Р. 6964 63
Г. Дума

696463

9.

Судъ надъ первой Государственной Думой

12—18 Декабря 1907 г.

ИЗДАНІЕ
В. ВОДОВОЗОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

136 11

Судъ надъ первой Государственной Думой

12—18 Декабря 1907 г.

ИЗДАНІЕ
В. ВОДОВОЗОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПО ДЕЛАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Судъ.

12—18 декабря 1907 года.

Судъ...

Полутемный, съ низкими сводами залъ суда.

Впереди—длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, и рядъ мягкихъ креселъ съ высокими и тоже красными спинками.

По бокамъ зала—длинныя жесткія скамьи: это скамьи для подсудимыхъ. А позади нихъ заполняютъ всю глубину зала жесткіе стулья; и эти стулья тоже для подсудимыхъ.

На длинныхъ скамьяхъ и на жесткихъ стульяхъ сидятъ подсудимые. И эти подсудимые—первые представители русскаго народа. Первые избранники страны, въ весенніе дни громко и смѣло заявившіе власти о нуждахъ и правахъ многомилліоннаго народа.

А теперь, въ холодные дни декабря, они сидятъ на скамьяхъ подсудимыхъ... Сидятъ длинными рядами, тѣсно другъ къ другу, всѣ вмѣстѣ, какъ и въ государственной думѣ.

Позади нихъ, тѣсня и давя другъ друга, посторонняя публика,—живые свидѣтели творимаго здѣсь суда.

Надъ ними, вверху, на особыхъ хорахъ, сидятъ писатели, которые пишутъ въ газетахъ и журналахъ. Они записываютъ каждое слово,—и слова передаютъ всему міру. Они записываютъ все въ своихъ тетра-

дяхъ,—и странѣ, далекой странѣ, съ жаднымъ вниманіемъ приковавшей очи свои къ судьбѣ сыновъ и первыхъ избранниковъ своихъ, они передадутъ, кто судитъ и какъ судятъ первыхъ представителей народа. И всему міру повѣдаютъ они, какъ въ многострадальной Россіи судятъ депутатовъ народа, и весь міръ узнаетъ объ этомъ, такъ какъ такого суда надъ народнымъ представительствомъ донынѣ еще нигдѣ и никогда не было.

А впереди этихъ подсудимыхъ въ два стройныхъ ряда, справа и слѣва,—ихъ защитники.

Открытіе суда.

Судъ идетъ!....

Одинъ за другимъ выходятъ и садятся шесть чиновниковъ въ мундирахъ, съ блестящими золотыми воротниками, съ сверкающими пуговицами; немного поодаль—седьмой, въ простомъ пиджакѣ, съ короткой сѣдой бородой,—это волостной старшина одной изъ волостей С.-Петербургской губерніи, принадлежащій къ числу судей, какъ «сословный представитель».

На минуту все смолкло. Ни шума, ни звука.

Молча взглянули другъ на друга съ мягкихъ креселъ чиновники, а съ длинныхъ скамей и жесткихъ стульевъ подсудимые депутаты.

— Открываю засѣданіе особаго присутствія судебной палаты, произнесъ предсѣдатель суда.

Въ казенномъ залѣ сухо прозвучали казенныя слова, и шесть чиновниковъ въ мундирахъ взяли въ руки бумаги.

— Приставъ, доложите, кто изъ подсудимыхъ не явился.

Приставъ читаетъ имена десяти неявившихся. Одни не явились по болѣзни; одинъ въ тюрьмѣ и не доставленъ въ судъ.

Другіе умерли; это Мухановъ, Ширковъ, Іоллосъ, Герценштейнъ...

Лишь только въ полутемномъ, съ низкими сводами залѣ суда прозвучали эти имена, всѣ подсудимые встали какъ одинъ человѣкъ и вновь безшумно и тихо опустились на скамьи и стулья. Это первая дума молчаливымъ вставаньемъ чтила память своихъ товарищей, безвременно умершихъ или погибшихъ отъ рукъ убійцъ.

Судъ сморщился, съежился.

— Подсудимый Андреевъ! Ваше имя, отчество, званіе, родъ занятій.

Сухо звучали казенныя слова,—и каждый разъ поднимались живые люди.

Одинъ за другимъ поднимались тѣ, кого знаютъ тысячи и милліоны тамъ, въ глубинѣ страны, на мѣстахъ; поднимались и тѣ, кого знаетъ вся страна; поднимались и тѣ, кого знаетъ и вся Россія, и чужія страны до моря и за океаномъ.

Бывшій товарищъ министра, князь, графъ, дворянинъ, наслѣдственный ханъ, бывшій священникъ, крестьянинъ, рабочій; бывшіе члены судовъ, мировые судьи, судебные слѣдователи, товарищъ прокурора, ученые, профессора, учителя; предсѣдатели губернскихъ, уѣздныхъ управъ, городскіе головы, члены управъ.

Поднимались они одинъ за другимъ,—эти «лучшіе люди страны.»

— Подсудимый Муромцевъ...

И лишь только прозвучалъ сухой звукъ, и вслѣдъ за нимъ тихо поднялся сѣдой, спокойный и величавый Муромцевъ, предсѣдатель первой думы, какъ всѣ подсудимые, охваченные однимъ порывомъ, встали со своихъ

мѣстъ; это первая дума молчаливымъ вставаньемъ почтила своего предсѣдателя.

Предсѣдатель думы отвѣтилъ на казенные вопросы предсѣдателя суда, и снова отчетливо звучитъ его голосъ:

— Я желаю знать, кто мои судьи?

Судъ смущенъ, но оправляется, и оглашаетъ свои имена: четыре чиновника, предводитель дворянства, членъ петербургской городской управы, волостной старшина, а прокурорское кресло занимаетъ бывшій чиновникъ департамента полиціи.

Вотъ судьи,—и тихое смущеніе проносится въ залѣ, и неотвязчиво встаетъ передъ всѣми вопросъ:

— Кто судьи? Кто судьи тѣхъ, которые защищали интересы народа? Кто судьи первыхъ представителей народа, пришедшихъ и въ судъ за тѣмъ, чтобы дать послѣдній отчетъ свой народу?

Широкимъ полукругомъ сидятъ подсудимые.

Впереди всѣхъ — сѣдой Муромцевъ, предсѣдатель первой Государственной Думы. Рядомъ съ нимъ—Шаховской, секретарь первой Государственной Думы; Долгоруковъ и Гредескулъ, товарищи предсѣдателя Думы.

А далѣе—одинъ за другимъ, тѣсно другъ къ другу члены первой Государственной Думы.

Всего предано суду 169 членовъ думы. Это—законный составъ первой думы, со своимъ предсѣдателемъ во главѣ, съ товарищами предсѣдателя, съ секретаремъ; въ этомъ составѣ по закону можно бы открыть засѣданіе думы.

За краснымъ столомъ—семь чиновниковъ и волостной старшина.

Они судятъ...

И всѣ понимаютъ, и всѣмъ ясно: въ холодные дни

декабря, въ дни затишья въ странѣ, когда произволомъ задавленъ разоренный народъ,—здѣсь судятъ первую думу народа...

Чиновникъ въ мундирѣ, секретарь суда читаетъ

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о дворянахъ Сергѣѣ **Муромцевѣ,** князѣ Петрѣ **Долгоруковѣ,** Николаѣ **Гредескулѣ,** князѣ Дмитріи **Шаховскомъ** и др., обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 51 и 3 п. I ч. 129 ст. угол. улож.

8-го іюля 1906 года въ Петергофѣ воспослѣдовалъ Высочайшій указъ правительствующему сенату о роспускѣ Государственной Думы перваго состава и на слѣдующій же день около двухсотъ лицъ изъ числа бывшихъ членовъ Думы выѣхало изъ С.-Петербурга по Финляндской желѣзной дорогѣ въ городъ Выборгъ, гдѣ 9-го іюля, вечеромъ, въ помѣщеніи гостинницы «Бельведеръ» было открыто совѣщаніе собравшихся для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ ближайшими послѣдствіями состоявшагося роспуска Государственной Думы. Совѣщаніе это закончилось 10-го іюля днемъ, причемъ результатомъ совѣщанія было составленіе воззванія отъ имени бывшихъ членовъ Думы, подписанное почти всѣми соучастниками совѣщанія, обращенное къ гражданамъ всей Россіи и озаглавленное «*Народу отъ народныхъ представителей*».

Содержаніе этого воззванія, принятаго тогда же въ Выборгѣ въ окончательной редакціи и тамъ же впервые отпечатаннаго, было дословно слѣдующее:

«Граждане всей Россіи! Указомъ 8-го іюля Государственная Дума распущена. Когда вы избирали насъ своими представителями, вы поручили намъ добиваться

земли и воли. Исполняя ваше порученіе и нашъ долгъ, мы составляли законы для обезпеченія народу свободы, мы требовали удаленія безотвѣтственныхъ министровъ, которые безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать законъ о надѣленіи землею трудящагося крестьянства путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ. Правительство признало такой законъ недопустимымъ, а когда Дума еще разъ настойчиво подтвердила свое рѣшеніе о принудительномъ отчужденіи, былъ объявленъ роспускъ народныхъ представителей.

Вмѣсто нынѣшней Думы, правительство обѣщаетъ созвать другую черезъ семь мѣсяцевъ. Цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, Россія должна оставаться безъ народныхъ представителей въ такое время, когда народъ находится на краю разоренія, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волненіемъ и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Цѣлыхъ семь мѣсяцевъ правительство будетъ дѣйствовать по своему произволу и будетъ бороться съ народнымъ движеніемъ, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсѣмъ задавить народное движеніе, оно не соберетъ никакой Думы.

Граждане! Стойте крѣпко за попранныя права народнаго представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россія не должна оставаться безъ народнаго представительства. У васъ есть способъ добиться

этого: правительство не имѣетъ права безъ согласія народнаго представительства ни собирать налоги съ народа, ни призывать народъ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы вправѣ не давать ему ни солдатъ, ни денегъ. Если же правительство, чтобы добыть себѣ средства, станетъ дѣлать займы, то такіе займы, заключенные безъ согласія народнаго представительства, отнынѣ не дѣйствительны, и русскій народъ никогда ихъ не признаетъ и платить по нимъ не будетъ. Итакъ, до созыва народнаго представительства не давайте ни копѣйки въ казну, ни одного солдата въ армію. Будьте тверды въ своемъ отказѣ, стойте за свои права всѣ, какъ одинъ человѣкъ. Передъ единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не можетъ. Граждане! Въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ ваши выборные люди будутъ съ вами».

Изложенное выше воззваніе, какъ видно изъ печатнаго экземпляра, получившаго распространеніе въ Петербургѣ тотчасъ вслѣдъ за составленіемъ воззванія, подписали нижеслѣдующіе бывшіе члены Государственной Думы перваго состава: Артемій **Айвазовъ**, Александръ **Андреевъ**, Сандъ-Гирей **Алкинъ**, Иванъ **Антоновъ**, Клавдій **Афанасьевъ**, Аббусугудъ **Ахтямовъ**, Алексѣй **Бабичъ**, Сергѣй **Балахонцевъ**, Василій **Балясниковъ**, князь Іосифъ **Баратовъ**, Христофоръ **Богатуровъ**, Сергѣй **Бондаревъ**, Николай **Бородинъ**, Леонтій **Брамсонъ**, Арвидъ **Бремеръ**, Григорій **Брукъ**, Иванъ **Бугровъ**, Аліханъ **Букейхановъ**, Федоръ **Бусловъ**, Павелъ **Быстровъ**, Иванъ **Бычковъ**, Максимъ **Винаверъ**, Петръ **Витковскій**, Василій **Вихаревъ**, Алексѣй **Возовикъ**, Алексѣй **Волковичъ**, Тимофей **Волковъ**, Василій **Враговъ**, Захарій

Выровой, Андрей **Вязловъ,** Иванъ **Галецкій,** Карлъ **Геллатъ,** Иванъ **Гомартели,** Николай **Гредескулъ,** Максимъ **Гудилинъ,** Салимъ-Гирей **Джантюринъ,** Сергѣй **Джапаридзе,** Михаилъ **Деларю,** Яковъ **Дитцъ,** князь Петръ **Долгоруковъ,** Петръ **Дюмаевъ,** Максимъ **Дьяченко,** Николай **Езерскій,** Симонъ **Ермолаевъ,** Петръ **Ершовъ,** Иванъ **Жилкинъ,** Ной **Жорданія,** Иванъ **Замысловъ,** Михаилъ **Земцовъ,** Ханъ Измаилъ **Зіатхановъ,** Гавріилъ **Зубченко,** Федоръ **Иваницкій,** Яковъ **Имшенецкій,** Александръ **Исуповъ,** Владиміръ **Ишерскій,** Григорій **Іоллосъ,** Павелъ **Кальяновъ,** Василій **Карандашевъ,** Нисонъ **Каценельсонъ,** Михаилъ **Квасковъ,** Евгеній **Кедринъ,** Николай **Ковалевскій,** Федоръ **Кокошкинъ,** Степанъ **Колокольниковъ,** Михаилъ **Коммиссаровъ,** Сергѣй **Корнильевъ,** Сергѣй **Котляревскій,** Петръ **Крыловъ,** Федоръ **Крюковъ,** Василій **Константиновъ,** Іосифъ **Кубилисъ,** Иванъ Ивановичъ **Кузнецовъ,** Иванъ Осиповичъ **Кузнецовъ,** Михаилъ **Куликовъ,** Михаилъ **Кутомановъ,** Иванъ **Лаврентьевъ,** Василій **Лебедевъ,** Михаилъ **Лебедевъ,** Шмарія **Левинъ,** Александръ **Ледницкій,** Георгій **Линтваревъ,** Максимъ **Литвиновъ,** Тимофей **Локоть,** Алексѣй **Ломшаковъ,** Лаврентій **Лопасъ,** Викторъ **Лунинъ,** Иванъ **Лысенко,** Алексѣй **Макушинъ,** Михаилъ **Масленниковъ,** Антонъ **Масловъ,** Петръ **Матвѣевъ,** Александръ **Медвѣдевъ,** Николай **Метальниковъ,** Николай **Миклашевскій,** Василій **Микѣшинъ,** Митрофанъ **Михайличенко,** Никифоръ **Моревъ,** Сергѣй **Муромцевъ,** Алексѣй **Мухановъ,** Владиміръ **Набоковъ,** Дмитрій **Назаренко.** Владиміръ **Недоносковъ,** Константинъ **Некрасовъ,** Трофимъ **Нестеренко,** Викторъ **Нечаевъ,** Николай **Николаевскій,** Павелъ **Новогородцевъ,** Викторъ **Обнинскій,** князь Владиміръ **Оболенскій,** Иванъ **Овчинниковъ,** Николай **Огневъ,** Николай **Огородниковъ,** Василій **Окуневъ,** Николай **Онацкій,** Ѳедотъ **Онипко,** Логгинъ **Остроносовъ,** Иванъ и Михаилъ **Петрункевичи,** Левъ **Петражицкій,** Егиашъ **Теръ-Петросянцъ,** Семенъ **Притула,**

Александръ **Поповъ**, Дмитрій **Протопоповъ**, Викторъ **Радаковъ**, Исидоръ **Рамишвилли**, Василій **Роговъ**, Семенъ **Розенбаумъ**, Николай **Ромашевъ**, Петръ **Ростовцевъ**, Александръ **фонъ-Рутценъ**, Семенъ **Рыжковъ**, Иванъ **Савельевъ**, Павелъ **Садыринъ**, Петръ **Сафоновъ**, Николай **Семеновъ**, Федоръ **Сефферъ**, Леопольдъ **Сицинскій**, Дмитрій **Скульскій**, Александръ **Смирновъ**, Иларіонъ **Соломка**, Тимофей **Сѣдельниковъ**, Василій **Строгановъ**, Иванъ **Субботинъ**, Семенъ **Таранъ**, Григорій **Твердый**, Янъ **Теннисонъ**, Андрей **Тесля**, Александръ **Токарскій**, графъ Петръ **Толстой**, Али **Топчибашевъ**, Левонъ **Туманянъ**, Степанъ **Тумбусовъ**, Григорій **Ульяновъ**, князь Сергѣй **Урусовъ**, Алексѣй **Ушаковъ**, Владиміръ **Федоровскій**, Захарій **Френкель**, Александръ **Хартахай**, Александръ **Хоментовскій**, Александръ **Хрущовъ**, Симонъ **Церетелли**, Павелъ **Цѣлоусовъ**, Иванъ **Чаксте**, Павелъ **Чижевскій**, Василій **Чурюковъ**, Григорій **Шапошниковъ**, князь Дмитрій **Шаховской**, Афанасій **Шемякинъ**, Гавріилъ **Шершеневичъ**, Михаилъ **Шефтель**, Николай **Ширковъ**, Евгеній **Шольпъ**, Илья **Шрагъ**, баронъ Федоръ **Штейнгель**, Иванъ **Шуваловъ**, Евгеній **Щепкинъ**, Веніаминъ **Якубсонъ**, Вячеславъ **Якушкинъ**, Василій **Яновскій**, и Леонидъ **Яснопольскій.** *)

---

*) Кромѣ перечисленныхъ 169 депутатовъ присоединили свои подписи къ выборгскому воззванію еще и слѣдующіе депутаты, которыхъ однако къ суду не привлекли, такъ какъ случайно они не были въ Выборгѣ въ день составленія воззванія:

1) Алексинскій, 2) Араканцевъ, 3) Бабенко, 4) Баратаевъ, 5) Бирюковъ, 6) Бугровъ, 7) Гирнисъ, 8) Горшковъ, 9) Грабовецкій, 10) Гринюкъ, 11) Диденко, 12) Долженковъ, 13) Жорданія, 14) Заболотный, 15) Зубковъ, 16) Ильинъ, 17) Карасевъ, 18) Крымъ, 19) Кузьминъ-Караваевъ, 20) Куриленко, 21) Лантевъ, 22) Левинъ, 23) Литвинъ, 24) Ложкинъ, 25) Луби, 26) Медвѣдевъ Д. Я., 27) Мишинъ, 28) Мокруновъ, 29) Новосильцевъ, 30) Обнинскій, 31) Присецкій, 32) Савельевъ А. А., 33) Свѣшниковъ (Ор.), 34) Сипягинъ, 35) Съдельниковъ, 36) Сыртлановъ, 37) Татариновъ, 38) Френкель С. Р., 39) Черноженкисъ, 40) Черносвитовъ, 41) Ага

Изъ перечисленныхъ здѣсь 169 лицъ тринадцать обвиняются не только въ томъ, что они подписали воззваніе, но еще и въ томъ, что распространяли его.

Лысенко разсказывалъ крестьянамъ о дѣятельности Государственной Думы и о томъ, что послѣ ея роспуска, бывшіе члены Думы составили въ Финляндіи воззваніе къ народу.

Ермолаевъ передалъ крестьянину Казанцеву печатный листъ бумаги, оказавшійся выборгскимъ воззваніемъ.

Протопоповъ разсылалъ въ конвертахъ выборгское воззваніе.

Враговъ, Езерскій, Кузнецовъ, Чурюковъ, Дитцъ, Матвѣевъ, Кутомановъ, Шапошниковъ, Михайличенко и Недоносковъ на собраніяхъ крестьянъ, мѣщанъ, рабочихъ читали и разъясняли народу выборгское воззваніе.

Отчетъ народу.

Чтеніе длиннаго обвинительнаго акта закончено.

— Признаете ли себя виновнымъ? спрашиваетъ предсѣдатель суда поочередно каждаго подсудимаго.

Одинъ за другимъ поднимаются подсудимые и одинъ за другимъ отвѣчаютъ:

— Нѣтъ, не признаю.

Этимъ закончился первый день суда; засѣданіе было отложено на слѣдующій день. И вотъ на другой день вновь поднимаются одинъ за другимъ депутаты-подсудимые, чтобы произнести свои рѣчи въ судѣ и дать народу свой отчетъ.

Ханъ Эриванскій, 42) Поярковъ, 43) Кочевскій (Куб. обл.), 44) Шустошкинъ, 45) Остафьевъ, 46) Костромитиновъ, 47) Племянниковъ, 49) Герасимовъ. 49) Харламовъ, 50) Эльдархановъ, 51) Свѣчинъ, 52) Родичевъ, 53) Анижинъ, 54) Васильевъ А. В., 55) Бѣляшевскій.

Рѣчи членовъ Конституціонно-Демократической партіи (такъ называемыхъ кадетовъ).

Первыми говорили депутаты, принадлежащіе къ партіи кадетовъ: Ив. Петрункевичъ, Ѳ. Кокошкинъ и Вл. Набоковъ. Въ своихъ рѣчахъ они выяснили подробно свой взглядъ на выборгское воззваніе, какъ на мирное средство защиты народомъ своихъ попранныхъ правъ, допустимымъ во всякомъ свободномъ государствѣ. Они выяснили, что, можетъ быть, не всѣ такъ смотрѣли на выборгское воззваніе, но всѣ депутаты безъ различія партій дѣйствовали едино, охваченные единымъ чувствомъ: дать народу отчетъ и отвѣтъ.

Встаетъ **Иванъ Петрункевичъ**, сѣдой, старый земецъ. Въ первой Думѣ онъ первый взошелъ на кафедру, и всѣ вмѣстѣ съ нимъ объединились въ одномъ кликѣ: амнистія! Онъ первый говоритъ и въ судѣ.

Временами—говоритъ онъ—въ странѣ совершаются такія дѣла, которыя нарушаютъ законы, и все-таки этихъ дѣяній нельзя судить въ судѣ, нельзя считать преступленіями. Вотъ примѣры. Здѣсь въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1904 года состоялся съѣздъ земскихъ дѣятелей, на которомъ признана была необходимость измѣненія государственнаго строя и требовалось народное представительство. Въ 1904 году это было, конечно, покушеніемъ на ниспроверженіе существовавшаго тогда государственнаго строя. Въ октябрѣ 1905 года въ странѣ шла смута и совершались такія дѣйствія, которыя были совершенно не согласны съ закономъ. Однако, всѣ эти дѣйствія 1904 и 1905 годовъ получили свое разрѣшеніе не въ судѣ, а повели къ учрежденію государственной думы и къ изданію манифеста 17 октября, первыя слова котораго заключаются въ томъ, что смута, охватившая Россію, побуждаетъ Государя даро-

вать народу политическія права въ надеждѣ, что это умиротворитъ страну.

Такъ же нужно разсматривать и дѣло о Выборгскомъ воззваніи.

Его нельзя отдѣлять отъ всей работы первой государственной думы, отъ роспуска Думы и отъ тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя переживали тогда первые народные представители.

Съ тихой грустью разсказываетъ объ этихъ событіяхъ сѣдой депутатъ-подсудимый.

— Мы были призваны, господа судьи, законодательствовать въ Государственной Думѣ. Когда мы пришли туда, мы ждали отъ правительства законопроэктовъ, которые отвѣчали бы нуждамъ страны. Но мы пришли въ пустое мѣсто. Правительство отстранилось отъ Государственной Думы и предоставило ей составлять законы, въ обсужденіе которыхъ министерство не желало вступать.

Въ то же время министерство съ необыкновенной заносчивостью выступало въ думѣ, и, желая подорвать вѣру въ нее, обратилось къ населенію съ правительственнымъ сообщеніемъ по земельному вопросу, въ которомъ говорилась неправда о Думѣ.

Вскорѣ правительство распустило Думу.

Мы не отрицали права верховной власти распускать Думу, но роспускъ первой Думы былъ совершенъ министрами не такъ, какъ это слѣдуетъ дѣлать, когда распускаютъ думу по закону. Государственная Дума была окружена войсками, думскія двери заперты, въ ворота войти нельзя, повсюду стоятъ войска, и, какъ говорятъ, во дворѣ расположены пулеметы. Все это было не только роспускомъ одной думы, но угрозой для всякой думы, для думы вообще, для самаго народнаго представительства.

Не имѣя возможности собраться въ Петербургѣ, гдѣ можно было вызвать кровопролитіе, мы уѣхали въ Выборгъ. Въ глазахъ народа мы еще оставались народными представителями, и всѣхъ насъ въ эти минуты объединяло одно чувство: нужно дать народу отчетъ и подать ему совѣтъ, что дѣлать. Была и другая причина, побуждавшая насъ обратиться къ народу съ воззваніемъ: мы боялись безпорядковъ, хотя бы мѣстныхъ, по поводу роспуска Думы и желали предупредить ихъ, такъ какъ знали, что въ то время только Государственная Дума пользовалась довѣріемъ въ странѣ.

Можетъ быть, мы ошибались; да и не всѣ мы были увѣрены, что достигнемъ всего этого нашимъ воззваніемъ, но всѣ мы понимали, что мы обязательно должны сказать свое слово народу. Мы ясно понимали, что роспускъ Думы представляетъ часть той борьбы, которую ведетъ многочисленная и сильная партія, старающаяся добиться полнаго уничтоженія всего новаго государственнаго порядка, который защищали мы, какъ залогъ успокоенія и развитія нашей родины. Вотъ почему мы не имѣли права сказать народу: жди спокойно!

Мы не могли и молчать, умыть рукъ, подобно Пилату, такъ какъ своимъ молчаніемъ мы оставляли бы народъ на произволъ судьбы и толкали бы его, можетъ быть, къ новой смутѣ, безпорядкамъ и пролитію крови.

Мы избрали иной путь. Вмѣсто молчанія или призыва къ безпорядкамъ, мы обратились къ народу со своимъ воззваніемъ, въ которомъ дали ему отчетъ о Думѣ, объ отношеніи правительства къ Думѣ; указали народу на грозящую ему опасность лишиться народнаго представительства и указали ему средства къ защитѣ имъ самимъ своихъ законныхъ правъ.

И. Петрункевичъ кончилъ свою подробную рѣчь, и

опускаясь на скамью подсудимыхъ, спокойно и твердо сказалъ:

— «Мы знали, господа судьи, что путь къ свободѣ усѣянъ терніями, но мы тоже знали, что на насъ возложена обязанность итти по этому пути и собою давать живой примѣръ, и если на этомъ пути вашъ приговоръ откроетъ намъ дверь тюрьмы, мы войдемъ въ нее съ сознаніемъ исполненнаго долга».

Встаетъ **Кокошкинъ**, депутатъ отъ Москвы, ученый знатокъ государственныхъ порядковъ въ разныхъ странахъ.

— Мы были народными представителями; этого мало: мы были первыми народными представителями въ Россіи. Семьдесятъ два дня напряженно работала первая Дума, и всѣ ея члены—дворяне и крестьяне, земледѣльцы и рабочіе, великоруссы, малоруссы, поляки, евреи, мусульмане, грузины, армяне,—всѣ стремились къ тому, чтобы обновить Россію. Работамъ Думы оказывали постоянное сопротивленіе министры, которые и добились ея роспуска съ нарушеніемъ и основныхъ законовъ государства, и манифеста 17 октября. Въ это-то тревожное время депутаты сочли необходимымъ указать народу средство защиты его правъ: пусть народъ отказывается платить налоги и давать солдатъ правительству, которое посягнуло на права народныхъ представителей. Такія средства борьбы составляютъ сопротивленіе безъ насилій и наступленій,—составляютъ пассивное сопротивленіе, которое допустимо въ государствахъ съ народнымъ представительствомъ. Народные представители утверждаютъ ежегодно смѣту приходовъ и расходовъ въ государствѣ, назначаютъ число новобранцевъ; а когда ихъ распускаютъ на долгій срокъ, тогда для народа остается еще одно мирное средство для защиты своихъ правъ: это—пассивное сопротивленіе, къ которому призывало выборгское воззваніе.

— Наши противники называютъ наше воззваніе революціоннымъ средствомъ. Но мы должны помнить, что къ этому средству на Западѣ прибѣгали народы самые мирные, наиболѣе любящіе государственный порядокъ: англичане, венгерцы. Въ Пруссіи народное представительство послѣ своего роспуска призвало народъ къ неплатежу податей. Въ этомъ мы сходны съ прусскими депутатами; но есть и разница: ихъ за это къ суду не призвали. Прусское правительство оказалось достаточно благоразумнымъ, чтобы понять, что преслѣдованіе депутатовъ есть политическая месть, а не правосудіе.

— Господа судьи и сословные представители! Много разъ говорили намъ, что своимъ воззваніемъ мы призываемъ народъ къ смутѣ и безпорядку. Но мы думаемъ, что пассивное сопротивленіе не есть дѣйствіе противогосударственное, а напротивъ есть дѣйствіе, укрѣпляющее основы государства.

Говоритъ **Набоковъ,** депутатъ отъ Петербурга, ученый юристъ, сынъ бывшаго министра юстиціи.

Онъ говоритъ со скамьи подсудимыхъ, но также спокойно и твердо, какъ въ Думѣ, когда онъ заявлялъ министрамъ: власть министровъ должна подчиниться законодательной власти Государственной Думы! Онъ говоритъ теперь въ судѣ, какъ подсудимый.

— Господа судьи и сословные представители! Если я могу сказать, что однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни былъ тотъ день, когда я впервые вступилъ подъ своды Таврическаго дворца, то я могу сказать также, что однимъ изъ несчастнѣйшихъ дней моей жизни былъ тотъ день, когда 9 іюля въ 6 часовъ утра я узналъ о роспускѣ Думы.

И депутатъ-подсудимый напоминаетъ о громадной законодательной работѣ, сдѣланной Думой, и о ея рос-

пускѣ, который былъ попыткой стараго строя все вернуть вспять, назадъ къ старому.

— Мы первые должны были всей силой нашего гражданскаго долга бороться противъ этого. Въ нашихъ рукахъ оставалось одно только средство, о которомъ мы и говорили въ своемъ воззваніи къ народу.

Законно, или нѣтъ такое средство защиты народомъ своихъ правъ—объ этомъ я не думалъ въ Выборгѣ, не думаю и теперь, такъ какъ я знаю, что бываютъ въ жизни народа такія минуты, когда нужно сказать себѣ: счастіе народа—вотъ высшій законъ; оно выше всѣхъ другихъ законовъ. Тѣ или другія дѣйствія могутъ сталкиваться съ запретомъ уголовнаго закона, но въ такое время считаться съ этимъ нельзя.

При выработкѣ выборгскаго воззванія были между нами и разногласія, но всѣ они скоро исчезли. Поэтому можно сказать, что выборгское воззваніе не есть дѣло отдѣльныхъ лицъ, это дѣло членовъ Государственной Думы.

Если бы въ Выборгѣ нашелся кто нибудь, кто смогъ бы указать намъ путь, по которому мы должны идти для спасенія народнаго представительства, то, можетъ быть, мы объединились бы еще съ большимъ жаромъ и единодушіемъ, какъ братья, на этомъ пути. Но такого пути никто указать не могъ, и мы предложили то, что имѣли.

Наше дѣло подлежитъ суду народа, суду исторіи, а не суду судебной палаты. Съ сознаніемъ исполненнаго долга вышли мы изъ зала, гдѣ было составлено воззваніе, и съ сознаніемъ исполненнаго гражданскаго долга народныхъ представителей выйдемъ мы изъ суда, каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ.

Говоритъ **Щепкинъ**, профессоръ университета, депутатъ отъ Одессы. Онъ говоритъ съ жаромъ, отчетливо,

громко, обращаясь то къ суду, то къ депутатамъ, какъ будто онъ находится на одномъ изъ тѣхъ многолюдныхъ народныхъ собраній, гдѣ его выбирали въ депутаты; говоритъ такъ рѣшительно, какъ говорилъ онъ съ думской кафедры, когда докладывалъ Думѣ о томъ, какъ былъ устроенъ погромъ въ Бѣлостокѣ.

Его рѣчь совершенно особенная, и по содержанію она должна быть поставлена между рѣчами кадетовъ и рѣчами лѣвыхъ, т. е. трудовиковъ и соціалъ-демократовъ.

— Положеніе депутатовъ первой Государственной Думы, выясняетъ онъ, было очень тяжелымъ. Избиратели дали имъ полномочія до того, какъ были изданы основные законы, они дали имъ право и наложили на нихъ обязанность участвовать въ составленіи этихъ основныхъ законовъ, которые должны были перестроить заново всю государственную жизнь.

Между тѣмъ 23 апрѣля, за четыре дня до засѣданія Думы, правительство само, безъ участія и согласія Думы, издало эти основные законы, и поставило надъ Думой Госуд. Совѣтъ.

Депутаты были уже не въ силахъ исполнить взятыхъ на себя обязанностей. Вотъ первое затрудненіе, въ какомъ они оказались. Уже и тогда раздавались голоса: разойтись по домамъ. Но депутаты не покинули Думы, и остались въ ней, чтобы показать народу, что могла бы сдѣлать народная Государственная Дума, если-бы ей не мѣшали, и чтобы этотъ примѣръ навсегда и неизгладимо запечатлѣлся въ народной памяти.

При роспускѣ Думы депутаты оказались въ новомъ затрудненіи. Страна ждала, что депутаты возьмутъ власть въ свои руки, побѣдятъ бюрократію и дворянъ; для этого нужны были революціонныя дѣйствія, и народъ ждалъ ихъ отъ депутатовъ.

Между тѣмъ революціонныя выступленія были для

депутатовъ не по силамъ: хотя депутаты не могли сказать населенію, что революція вредна, но большинство депутатовъ не вѣрило въ возможность успѣха революціи и добивалось только укрѣпленія конституціонной монархіи съ широкимъ народнымъ представительствомъ.

Поэтому. депутаты и не могли призвать народъ къ революціонному сопротивленію; выборгскимъ воззваніемъ они призвали народъ къ сопротивленію безъ насилія. Правда, сопротивленіе безъ насилія все таки остается сопротивленіемъ: оно меньше, слабѣе сопротивленія съ насиліемъ, но оба они—старшій и младшій братья одной и той же семьи. Но мы думали, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было правильнѣе призвать народъ къ сопротивленію безъ насилія.

Русскій народъ не оказалъ и такого сопротивленія; но заслуга депутатовъ состояла въ томъ, что они раскрыли народу глаза на положеніе дѣлъ.

Народъ ясно понялъ, что его силы такъ разрознены, что онъ не можетъ оказать даже небольшого сопротивленія, что онъ еще слабъ и не готовъ на поддержку Думы. Вотъ почему народъ не сдѣлалъ упрековъ и депутатамъ первой Думы за то, что они не сдѣлали того. чего онъ отъ нихъ ждалъ, посылая ихъ въ Думу.

Правительство разжаловало депутатовъ первой Думы изъ лучшихъ людей въ крамольниковъ и посадило на скамью подсудимыхъ.

Все общество смущено судомъ надъ нами, потому что обвиненіе къ намъ внушено не желаніемъ соблюсти законъ и справедливость, а жаждой мщенія. Мы боимся удара не намъ, а боимся того, что подъ вліяніемъ вымысловъ прокурора судъ нанесетъ ударъ закону и правосудію въ Россіи.

Допросъ свидѣтелей.

Всѣхъ свидѣтелей вызывалось около пятидесяти человѣкъ, но такъ какъ подсудимые не отказывались отъ своихъ дѣйствій, то въ допросѣ свидѣтелей въ сущности не было нужды. Однако прокуроръ все таки пожелалъ допросить нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Ихъ одного за другимъ приводили въ залъ суда, и каждый изъ нихъ давалъ свои показанія. Молчалъ судъ; молчали депутаты, а на вопросъ суда къ подсудимымъ и къ ихъ защитникамъ: «не желаете ли спросить свидѣтеля?» защитники быстро вставали и кратко отвѣчали: нѣтъ! Спрашивалъ свидѣтелей только прокуроръ.

Входитъ свидѣтель **Н. Н. Львовъ**. извѣстный земскій дѣятель Саратовской губ., котораго одно время прочили въ министры, членъ теперешней 3-й Государственной Думы, бывшій также членомъ первой, но выборгскаго воззванія не подписавшій.

Онъ разсказываетъ, что 10 іюля онъ вмѣстѣ съ покойнымъ графомъ Гейденомъ, тоже членомъ первой думы, поѣхалъ въ Выборгъ, чтобы узнать тамъ о совѣщаніи депутатовъ. Они пріѣхали во время перерыва совѣщанія и, не дождавшись открытія совѣщанія, уѣхали обратно въ Петербургъ. Больше онъ ничего не знаетъ по этому дѣлу.

Вводятъ второго свидѣтеля—**Г. Ф. Филиппова**, депутата первой Думы. Въ сапогахъ, пиджакѣ и бѣлой

рубахѣ, онъ имѣетъ видъ не то крестьянина, не то горожанина.

— Ничего не могу показать хорошого, начинаетъ онъ.

Онъ показываетъ, что въ Выборгѣ депутаты составляли воззваніе; онъ самъ видѣлъ и слышалъ, какъ тамъ кн. Шаховской читалъ депутатамъ воззваніе, а его товарищъ, депутатъ Волковичъ, уговаривалъ его, свидѣтеля, подписать воззваніе.

Прокуроръ спрашиваетъ, какъ Волковичъ уговаривалъ его подписать воззваніе; не говорилъ ли ему Волковичъ, что чѣмъ больше будетъ подписей, тѣмъ больше народъ будетъ вѣрить воззванію?

Происходитъ заминка. «Хорошенько не помню, можетъ – говорилъ, можетъ—нѣтъ», отвѣчаетъ Филипповъ. Тогда по требованію прокурора Филиппову читаютъ то показаніе, которое онъ давалъ слѣдователю: «Волковичъ уговаривалъ меня подписать воззваніе, говоря, что чѣмъ больше будетъ подписей, тѣмъ больше народъ будетъ вѣрить воззванію».

Филипповъ помялся съ минуту на мѣстѣ, и потомъ какъ-то грубо-просительно крикнулъ:

— Господинъ предсѣдатель! Распорядитесь выдать мнѣ вознагражденіе: потерялъ цѣлую недѣлю на проѣздъ въ Петербургъ.

Наконецъ появляются три свидѣтеля жандарма. Одинъ изъ нихъ—самый бойкій. Онъ отчетливо, громко показываетъ, что въ іюлѣ 1906 года въ поѣздѣ мимо той станціи, на которой онъ служитъ, «изволили ѣхать господа члены думы», и изъ оконъ вагоновъ летѣли «прокламаціи», т. е. выборгское воззваніе, начинавшееся словами: «Народу отъ народныхъ представителей».

Другіе два жандарма говорятъ очень мало. Жандармъ Васильевъ показываетъ, что когда 11 іюля

мимо его станціи (Шувалово) проходилъ поѣздъ изъ Выборга въ Петербургъ, то изъ оконъ вагона сыпались какіе-то листки. Одинъ изъ нихъ онъ поднялъ и передалъ старшему унтеръ-офицеру. Содержаніе листка онъ не помнитъ.

Третій жандармъ показываетъ, что на своей станціи (Удѣльная) онъ 11 іюля подбиралъ листки, заключавшіе въ себѣ какое-то воззваніе. Вотъ все, что показывали эти свидѣтели.

Для судебнаго дѣла ихъ показанія не имѣли никакого значенія и не давали суду никакихъ поясненій о дѣлѣ подсудимыхъ; изъ нихъ нельзя было узнать, кто именно изъ депутатовъ составлялъ воззваніе, кто его распространялъ, а кто—нѣтъ. Судъ чувствовалъ это, и предсѣдатель не находился задать ни одному свидѣтелю ни одного вопроса.

Достоинство подсудимыхъ спасало судъ: сами подсудимые открыто и громко говорили: да, я подписалъ! да, я распространялъ!

Рѣчи трудовиковъ.

Говорятъ трудовики. Они говорятъ о томъ, какъ невыносима для народа старая жизнь и какъ тяжело бороться за ея измѣненія; говорятъ о томъ, что нѣтъ уже прежней розни между крестьянствомъ и образованными людьми, какая была раньше. Нѣтъ теперь больше прежней розни между трудящимися разныхъ національностей: русскіе, нѣмцы, литовцы, украинцы, грузины, евреи, всѣ трудящіеся изъ нихъ—крестьяне, рабочіе, ремесленники, говорятъ теперь однимъ языкомъ. Объ этомъ говорятъ Шапошниковъ, Враговъ, Зубченко, Кубилисъ, Дитцъ, Баратовъ.

Устами трудовика **Галецкаго** напоминаютъ они всѣмъ о русскомъ народѣ, могучемъ, какъ сказочной полубогъ Прометей: тяжелыми цѣпями онъ прикованъ къ скалѣ: но разобьетъ онъ эти цѣпи, и въ страхѣ исчезнутъ тѣ хищники, которые пьютъ теперь горячую кровь его сердца.

Старое борется съ новымъ.

Вотъ встаетъ **Лунинъ**, старикъ съ густой сѣдой бородой.

— Мнѣ 64 года. Я—житель села Армавиръ. Два поколѣнія прошли передъ моими глазами. Я жилъ, смотрѣлъ на жизнь, размышлялъ долгіе годы, и изъ опыта и размышленія своего я позналъ ужасъ русской

жизни. Я позналъ: старый міръ борется съ новымъ, какъ мракъ со свѣтомъ,—и тьма хочетъ загасить свѣтъ.

Въ старой жизни живутъ рабы.

Нѣтъ у нихъ сердца; нѣтъ у нихъ своей мысли. они радуются, когда имъ прикажутъ; они двигаются, куда имъ велятъ; они думаютъ такъ, какъ имъ предпишутъ. Вотъ они—люди старой жизни, казенные люди; безъ сердца, съ казенными мыслями. Но зрѣетъ и новая жизнь, и новые люди. Созидается новый міръ, чтобы сдѣлать людей свободными, равными, чтобы жизнь всѣхъ людей была устроена, сохранена и обезпечена. Старый міръ наноситъ удары новому, и не брезгаетъ никакими средствами, даже самыми недостойными.

17 октября 1905 года вышелъ манифестъ. Мы радовались всѣ, и какъ дѣти, съ чистой вѣрой, мы ликовали всѣ.

Но коротки были свѣтлые дни.

Сразу, въ одинъ день, по мановенію какой-то руки прошли всюду черной тучей погромы. Я самъ—жертва погрома. Погромщики дѣйствовали безнаказанно; къ ужасу всѣхъ казаки, офицеры и атаманъ оберегали не обывателей, а отряды погромщиковъ. Мнѣ удалось спасти свою жизнь.

Въ мое отсутствіе проходили выборы въ первую думу, и въ мое же отсутствіе народъ выбралъ меня въ думу. Народъ хочетъ лучшей жизни и рвется къ ней. Тысячи народа провожали насъ; осыпали цвѣтами, бѣжали за поѣздомъ; къ намъ протягивали руки и брали съ насъ великую клятву:

— Добудьте намъ землю и волю, или умрите!

И мы клялись народу добыть ему землю и волю или умереть за него. Велика эта клятва!

Мы пришли въ думу съ велѣніями народа и думали: теперь старый міръ уступитъ передъ народомъ.

Но онъ не уступалъ.

Когда произошелъ роспускъ думы, я понялъ: между старымъ и новымъ нѣтъ и не можетъ быть соглашенія.

И я подписалъ воззваніе къ народу, чтобы поддержать новый строй въ борьбѣ со старымъ.

Я не только подписалъ воззваніе, но я жажду, чтобы оно проникло во всѣ уголки Россіи, до послѣдней крестьянской хаты.

И когда его будутъ знать русскія матери и на немъ станутъ воспитывать дѣтей своихъ, я скажу спокойно:

— «Нынѣ отпущаеши раба твоего»...

Мы—едины съ народомъ.

Депутатъ—подсудимый **Семеновъ**, депутатъ Саратовской губ.

— Когда распустили первую Думу, мы всѣ чувствовали, что нужно послать послѣднее слово народу отъ народныхъ представителей.

Это чувство охватило насъ всѣхъ, отъ простого крестьянина до ученыхъ людей, извѣстныхъ всему міру. Это чувство—сознаніе долга передъ народомъ, служеніе народу. Русскіе образованные люди, такъ называемая интеллигенція, всегда стремилась отдать на служеніе народу свои знанія, всѣ свои силы, всю свою жизнь. Тѣ же мысли и чувства и у народа, только онъ говоритъ иначе.

Тамъ народъ говоритъ о страданіяхъ за міръ.

«Страдалецъ за міръ»—вотъ какъ говоритъ народъ о своихъ людяхъ, которые отдаютъ себя общественному служенію.

Десятки лѣтъ правительство создавало рознь между простымъ народомъ и образованнымъ классомъ, и

только теперь крестьяне и всѣ трудящіеся классы простого народа поняли, кто ихъ друзья и кто ихъ враги.

Я—не крестьянинъ: я—присяжный повѣренный, а меня выбрали почти единогласно крестьяне Саратовскаго уѣзда.

Всѣ поняли, что у всего народа есть общее, народное дѣло,—и это народное дѣло въ пользу народа и хотѣла разрѣшить первая дума.

Ее распустили; вмѣстѣ съ этимъ рухнули всѣ мирныя надежды народа, и мы не знали, и никто не зналъ, что будетъ завтра. Всѣ мы чувствовали только, что мы должны сказать свое слово. Мы не разрушали права и законовъ. Если мы говорили: «отстаивайте свои права», то это не значитъ — попирайте права другихъ.

Если мы говорили: «отстаивайте законы», то это не значитъ—попирайте законы. Народъ понялъ это, и народъ насъ не осудилъ. Когда я вернулся домой, ко мнѣ пришли старики крестьяне и плакали.

— «Что съ нами будетъ?» спрашивали они: «помирать, видно, остается».

— «Ты подписалъ воззваніе?» спрашивали они.

— «Подписалъ», отвѣчалъ я.

— «Мы читали». И съ этими словами одинъ изъ нихъ вынулъ изъ кармана выборгское воззваніе и сказалъ:

— «Твоя фамилія здѣсь есть. Вы ушли не по своей волѣ; вы сдѣлали все, что могли».

Я говорю: народъ насъ не осудилъ.

Когда настали выборы во вторую Государственную Думу, ко мнѣ пришли крестьяне и говорятъ: «тебя выбираемъ».

Я объяснилъ, что меня нельзя избрать, потому что

я подъ судомъ. «Мы съ тебя полномочій не снимали», былъ ихъ отвѣтъ.

Теперь наступилъ судъ,—судъ не народный.

Я не признаю себя виновнымъ въ нарушеніи закона; не признаю виновнымъ въ томъ, что я желалъ вызвать сопротивленіе закону, разрушить его, что я врагъ общества и государства.

Я желаю, чтобы законъ торжествовалъ, но такой законъ, который былъ бы однимъ для всѣхъ, равнымъ для каждаго гражданина.

Этотъ законъ мы и хотѣли ввести.

Теперь народъ замеръ, но онъ не отказался отъ той «земли и воли», которая была провозглашена по всей великой Россіи. Въ народѣ осталось это, и мы хотѣли добиться народу этой земли и этой воли, которыя дали бы возможность жить счастливо всему нашему населенію безъ различія сословій, вѣры и племени.

И потому народъ не можетъ поставить насъ на ряду съ преступниками, нарушителями и врагами закона, врагами государства. Не законъ мы нарушали, а работали для блага народа, и народъ понялъ это.

Въ его глазахъ мы никогда не будемъ преступниками, а всегда будемъ первыми народными представителями, свято исполнявшими свой долгъ.

Голосъ и судъ народа.

Говоритъ **Шапошниковъ**, депутатъ отъ крестьянъ Курской губерніи. Послѣ роспуска Думы, онъ вернулся домой, разсказывалъ на сходахъ о думѣ, сидѣлъ за это нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, и затѣмъ былъ высланъ изъ своей губерніи. Теперь онъ поднимается со скамьи подсудимыхъ и говоритъ.

— Я прежде всего открыто заявляю, что я распространялъ выборгское воззваніе. Также открыто я говорю: не платить податей и не давать рекрутовъ — это право народа, и никто не имѣетъ права брать подати и требовать съ народа рекрутовъ безъ согласія народа въ лицѣ его представителей. Я подписалъ выборгское воззваніе, какъ народный представитель, потому что я хорошо зналъ, что народъ такъ на меня смотритъ и не снялъ еще съ меня полномочій. Точно также я хорошо зналъ, что, какъ народный представитель, я долженъ былъ явиться къ народу и дать ему отчетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Я далъ народу подробный отчетъ въ томъ, что мы дѣлали.

Вотъ наши дѣйствія, говорилъ я; а вотъ дѣйствія правительства. Рѣшайте вы, кто правъ изъ насъ. Народъ выслушалъ меня.

Онъ спрашивалъ меня, какъ рѣшался въ думѣ земельный вопросъ. Я сказалъ, что Дума была распущена какъ разъ за то, что считала необходимымъ сдѣлать принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель.

Послѣ моего доклада собраніе постановило: «Государственная Дума требовала то, что нужно народу и работала въ интересахъ народа; Государственная Дума поступала правильно, когда требовала отъ власти отчета и когда настаивала на отчужденіи частновладѣльческихъ земель. Протестуемъ противъ роспуска Государственной Думы!»

Мы дѣйствовали согласно съ народомъ, и онъ оправдалъ насъ. Я былъ заключенъ въ тюрьму, потомъ сосланъ. А когда наступили выборы во вторую думу, крестьяне единогласно избрали опять меня своимъ представителемъ.

Начальство меня вычеркнуло, а крестьяне стояли на своемъ и говорили: намъ другого не нужно! Я по-

лучилъ одобреніе моихъ избирателей, и это самое важное. А каковъ будетъ вашъ приговоръ,—для меня это не важно.

Говоритъ **Враговъ**. Крестьянинъ Пензенской губ. Высокій, крѣпкій, съ густой окладистой бородой. Онъ говоритъ громко, отчетливо, смѣло.

— Послѣ разгона думы я возвратился домой. Въ село пришло войско, чтобы меня арестовать. Крестьяне ударили въ набатъ, отбили меня и съ колокольнымъ звономъ проводили домой. Тогда начальство прислало карательный поѣздъ съ пушками и пулеметами.

Два пулемета были поставлены у самой хаты.

За что же?

За то ли, что я подписалъ выборгское воззваніе, за то ли, что я распространялъ его?

Нѣтъ! Сыръ-боръ загорѣлся изъ-за той панихиды, которую я просилъ нашего священника отслужить по убитомъ товарищѣ-депутатѣ Герценштейнѣ, который въ думѣ боролся съ министрами за землю для русскаго народа.

Выборгское воззваніе я подписалъ. Когда я вернулся домой, крестьяне требовали отъ меня отчета, и я не могъ противиться этому: вѣдь, я принадлежу народу. Когда я пришелъ, меня спросили: что у васъ въ Думѣ? за что васъ разогнали?

Я говорю имъ, что мы просили земли, а министръ Горемыкинъ заявилъ намъ въ отвѣтъ «нельзя». Мы все-таки продолжали работать, надѣялись, что, какъ никакъ, можетъ быть, добудемъ землю какимъ-нибудь способомъ,—но передъ нами безцеремонно закрыли двери.

— Что дальше? спросилъ народъ.

Я разсказалъ, что мы поѣхали въ Выборгъ, и тамъ составили воззваніе.

— Что тамъ написано? спрашивали меня крестьяне.

Я сказалъ, что тамъ написано: не платить податей, не давать рекрутовъ, не признавать займа.

Господа судьи! Теперь вы меня судите за то, что я народу далъ отчетъ. Осудите вы меня, или нѣтъ— мнѣ все равно.

Одно я скажу вамъ: у васъ есть сила, у васъ есть власть, у васъ есть даже смѣлость судить насъ, но у васъ нѣтъ права судить насъ!

Поднимается **Зубченко**. Малороссъ, въ поддевкѣ, опоясанный зеленымъ кушакомъ. Голосъ у него мягкій, нѣжный, и тихій. Онъ отходитъ отъ скамьи подсудимыхъ и становится посрединѣ зала суда, чтобы всѣ его слышали:

— Высшій судъ надъ народными представителями— есть судъ народа. Народъ хорошо зналъ мою дѣятельность и до Думы и въ Думѣ; народъ зналъ, что я подписалъ выборгское воззваніе, и этотъ народъ не только не осудилъ меня, но хотѣлъ выбрать меня и во вторую Государственную Думу.

Начальство сказало, что я лишенъ избирательныхъ правъ.

А народъ сказалъ: мы не лишили его довѣрія!

Народъ сказалъ еще больше: мы бы лишили его довѣрія, если бы онъ не подписалъ воззванія. Вотъ какъ судилъ народъ!

Теперь вы меня судите. А я скажу вамъ: не страшна 129 статья, по которой вы меня судите, не страшна мнѣ тюрьма, а страшно издѣвательство надъ народнымъ представительствомъ...

Голосъ задавленныхъ народовъ Россіи.

Вотъ поднимаются со скамьи подсудимыхъ депутаты угнетенныхъ народовъ, населяющихъ Россію. Говоритъ **Кубилисъ**, представитель литовцевъ. Высокій, съ длинными усами, онъ не сводитъ глазъ съ судей. Онъ говоритъ, и тяжелымъ камнемъ падаютъ его слова, и боль поднимается въ сердцѣ.

— Сорокъ лѣтъ стонетъ литовскій народъ. Лучшіе сыны народа хотѣли дать ему просвѣщеніе. А намъ не позволяли даже напечатать азбуку для обученія дѣтей на нашемъ родномъ языкѣ. И годами лучшіе сыны литовскаго народа томились въ тюрьмахъ, умирали въ ссылкѣ. За что же преслѣдовался литовскій народъ?

Ему ставили въ вину, что онъ исповѣдуетъ свою вѣру. Литовцевъ преслѣдовали за то, что они католики. Намъ навязали чуждую школу, и ею руководили пришельцы учителя и воспитатели, не понимавшіе нашего языка, исполнявшіе дѣло жандармовъ.

Явились пришельцы миссіонеры,—и застоналъ народъ нашъ подъ гнетомъ ихъ насилій.

Намъ воспрещалась государственная и общественная служба и ставились преграды въ пріобрѣтеніи земель въ родномъ краѣ.

— Мы жаловались; но отвѣта на наши жалобы не приходило.

17 октября 1905 года возвѣщенъ былъ манифестъ. Возвѣщено было, что отнынѣ народъ имѣетъ право самъ устраивать свою жизнь черезъ своихъ представителей. Для всей Россіи блеснулъ лучъ надежды и вмѣстѣ съ ней надежда на лучшее будущее блеснула и у народа литовскаго. Эту святую надежду онъ ввѣрилъ намъ, своимъ депутатамъ.

Эту надежду принесли мы въ первую думу. Надежды

задавленнаго народа литовскаго повѣдали мы представителямъ русскаго народа,—и рука объ руку съ ними пошли мы бодро впередъ, чтобы всю страну, безъ различія вѣры и племени, вывести къ лучшему будущему.

Но была разбита первая дума; съ ней были разбиты и надежды нашего народа, вновь стало темно. Я вернулся на родину и далъ народу отчетъ.

Я объяснилъ, чего хотѣла первая дума, и кто всталъ на пути народныхъ требованій.

Народъ одобрилъ мой отчетъ.

Во вторую думу народъ выбиралъ такихъ же депутатовъ, т. е. изъ тѣхъ же партій, къ которымъ эти депутаты принадлежали.

Народъ сказалъ свое слово, а до прочаго—намъ дѣла нѣтъ.

Поднимается **Дитцъ**, депутатъ отъ Саратовской губ.

— Моя фамилія—Дитцъ. Отъ кого я представитель? Правительство раздѣлило весь народъ на сословія, и признало одни сословія высшими, а другія низшими. Къ низшему сословію правительство причисляетъ русское трудовое крестьянство.

Но есть и еще болѣе низкое сословіе: это поселяне нѣмцы, отъ которыхъ я и являюсь представителемъ.

Это не тѣ нѣмцы, которые во всѣхъ русскихъ спискахъ и рангахъ стоятъ первыми, въ родѣ господъ Ренненкампфовъ, Каульбарсовъ, Меллеръ-Закомельскихъ.

Нѣтъ! это трудовой народъ, поселяне-нѣмцы. При Екатеринѣ II они были поселены по Волгѣ, и отданы во власть капитана-исправника. Кромѣ того ихъ выдѣлили въ особое генералъ-губернаторство. И стали сосать поселянъ въ два соска.

Въ 1871 году поселяне были включены въ разрядъ

крестьянъ собственниковъ, но двери крестьянскаго банка передъ ними были закрыты.

Наконецъ, была учреждена Государственная Дума. Я явился въ нее представителемъ отъ этого угнетеннаго, безправнаго народа. Мнѣ еще до сихъ поръ памятны проводы. До сихъ поръ памятны тѣ мольбы, слезы и просьбы, которыми насъ провожали. До сихъ поръ памятенъ мнѣ грозный кличъ:

— «Идите, и не возвращайтесь безъ земли и воли!»

Я, маленькій человѣкъ съ такими большими полномочіями, работалъ по 18 часовъ въ сутки, чтобы оправдать довѣріе народа.

Но 8 іюля дума была распущена.

Я подписалъ выборгское воззваніе, и этимъ я хотѣлъ указать народу, что народъ имѣетъ право бороться съ насиліемъ. Когда я вернулся домой, мой домъ окружила полиція. Тогда горожане ударили въ набатъ, оттѣснили полицію и освободили меня. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого меня хотѣли посадить въ тюрьму; народъ опять ударилъ въ набатъ, и я остался дома.

Господа судьи и сословные представители! Насъ посадили на скамью подсудимыхъ, и вѣроятно вы, господа судьи, наклеите на насъ ярлыкъ преступниковъ; но знайте, что народъ вамъ не повѣритъ.

Говоритъ трудовикъ-грузинъ, князь **Баратовъ**.

— Развѣ есть что нибудь преступное въ содержаніи выборгскаго воззванія? Вспомните, господа судьи, западную и сѣверную части Грузіи. Развѣ тамъ платили подати, развѣ тамъ ставили рекрутъ? Нѣтъ! Убогій крестьянинъ—грузинъ стойко переноситъ, когда вытаскиваютъ послѣдніе его пожитки, послѣдній котелъ и послѣднюю верхнюю одежду. Но онъ отказывается платить подати, и до этого пассивнаго сопротивленія онъ

доведенъ тѣми безпорядками, которые существуютъ у насъ. Поэтому, когда Государственная Дума выпустила свое воззваніе съ призывомъ къ такому же сопротивленію, то она указывала только на то, что въ жизни уже есть. Мы вспомнили свой долгъ, который стоялъ передъ нами и который говорилъ намъ: работайте для блага всей Россіи, для блага всѣхъ гражданъ, находящихся и живущихъ въ Россіи. И вотъ, 8 іюля это благо было уничтожено; было уничтожено то, что являлось завѣтнымъ нашимъ желаніемъ. Было убито то, что было намъ всѣмъ дорого... но это было и будетъ только временно. Я ухожу отсюда, какъ подсудимый, но знайте, что наступитъ время, когда русскіе граждане будутъ уже не подсудимыми, а сами будутъ судить своихъ насильниковъ.

Рѣчи соціалъ-демократовъ.

Говорили **Ишерскій** и **Рамишвилли**, принадлежавшіе къ думской соціалъ-демократической фракціи.

Подписаніе выборгскаго воззванія соціалъ-демократами, говоритъ **Ишерскій**, имѣло для нихъ одно важное значеніе. Депутаты соціалъ-демократы сознавали, что одинъ рабочій классъ окончательнаго обновленія русскаго государства не можетъ достигнуть безъ помощи и содѣйствія крестьянства. Выборгскимъ воззваніемъ депутаты соціалъ-демократы бросили въ крестьянскія массы призывъ о помощи.

— Подъ сводами зданія судебныхъ установленій погребена не одна жизнь защитниковъ народнаго представительства. Но теперь совершается нѣчто совершенно необычайное—судятъ 1-ю Государственную Думу! Дума эта была создана кровью народа, и пославшіе насъ требовали отъ насъ хоть нѣкотораго возмѣщенія этой крови. Это создавало для насъ сознаніе тяжелаго долга бороться съ враждебной намъ стороной. Эта же враждебная сторона, воспользовавшись теперь своей силой, привлекла насъ къ суду. И мы смотримъ на васъ, гг. судьи, какъ на защитниковъ 130 тысячъ столыпинскихъ помѣщиковъ, являющихся врагами народа и народной свободы.

Говоритъ **Рамишвилли**, невысокаго роста съ сѣдой головой. Пять мѣсяцевъ его уже держатъ въ тюрьмѣ,— и тюрьма подорвала его силы; онъ утомленъ и видимо боленъ. Его привели изъ тюрьмы, и когда онъ поднимается говорить, рядомъ съ нимъ стоятъ жандармы съ обнаженными саблями. Онъ говоритъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ.

— Трудно повѣрить, что это судятъ первую государственную думу, говоритъ онъ. Это судятъ лучшихъ людей страны. Вотъ они теперь на скамьѣ подсудимыхъ, и завтра ихъ ждетъ, быть можетъ, тюрьма. Что же случилось? Что произошло? Можетъ быть они измѣнили народу? Или можетъ быть они были противъ манифеста 17 октября, и хотѣли дать народу опять рабство и нищету? Нѣтъ! Въ этихъ тяжкихъ преступленіяхъ первая русская дума неповинна. Члены первой думы привлекаются за подписаніе выборгскаго воззванія, въ которомъ они призывали народъ не давать солдатъ, не платить податей до новой думы. Можетъ быть, эти члены думы вообще враги налоговъ и арміи?

Нѣтъ! Они не враги ихъ! Даже самая крайняя партія въ думѣ, соціалъ-демократическая, признаетъ и налоги, и вооруженіе народа.

Они подписали воззваніе, потому что на ихъ глазахъ совершилось такое крупное преступленіе, которому трудно подыскать и наказаніе: это преступленіе— разгонъ первой Думы; но въ этомъ то преступленіи они не повинны. Чтобы понять все происходящее, нужно не забывать, что и теперь, на нашихъ глазахъ, борются двѣ стороны: остатки стараго, помѣщичьяго строя и начало новаго строя, который не можетъ жить безъ свободы. 17 октября важно тѣмъ, что этотъ день явился провозвѣстникомъ новой государственной жизни. Случилось это не сразу, и не само собою, а благодаря вы-

ступленію и напору новыхъ силъ, когда самодержавная власть была не въ силахъ удержаться и должна была пойти на перемиріе. Страна вступила на новый путь,—но не надолго. Скоро наступилъ переворотъ, потому что народъ увлекся своей побѣдой, повѣрилъ...

. . . . . .

. . . . . .

Депутатъ Рамишвилли съ трудомъ произноситъ послѣднія слова. Силы покидаютъ его. Смертельно блѣдный онъ опускается въ изнеможеніи на скамью со стономъ:

— Мнѣ дурно! и безъ сознанія падаетъ на полъ. Къ слѣдующему дню онъ собрался съ силами и докончилъ свою рѣчь. Сдѣлать это было не легко: за каждымъ его словомъ слѣдилъ предсѣдатель суда и 16 разъ останавливалъ его, грозя совсѣмъ лишить его слова.

— Моя вчерашняя рѣчь оборвалась на томъ, что народъ въ октябрскіе дни побѣдилъ старую власть. Тогда послѣдовало изданіе манифеста, который послужилъ какъ бы перемиріемъ двухъ враждующихъ сторонъ. За народомъ были признаны его права, и народъ возликовалъ. Теперь всѣ знаютъ, что это ликованіе было преждевременно. Народъ слишкомъ рано повѣрилъ власти, принялъ слова за дѣло и рано покинулъ боевыя позиціи.

Да и то сказать, никто вѣдь не могъ ожидать, что найдется такой врагъ народа, который пожелаетъ отнять у него все. А этотъ врагъ былъ, и дѣлалъ свое дѣло. Власть желала отвязаться отъ вырваннаго у нея манифеста; но она не рѣшилась сдѣлать это сразу, а стала подбираться къ нему умѣло и осторожно. Была созвана первая дума, которая полнѣе всего могла бы осуществить манифестъ 17 октября. Но ей не удалось работать вмѣстѣ съ правительствомъ.

Правительству неугодны были работа думы, ея рѣчи, ея законопроекты, въ особенности принудительное отчужденіе земель. Мирнѣе дѣятельности первой думы для государства быть не могло, но всѣ ея старанія правительству были неугодны, и правительство распустило Думу. Что оставалось дѣлать депутатамъ послѣ роспуска Думы? Надѣть шапки и уйти было невозможно;—это было бы позорно. Вѣдь долгая прошлая жизнь народа представляла одну сплошную цѣпь страданій. Онъ былъ объявленъ податнымъ сословіемъ и стоналъ подъ игомъ налоговъ, раздѣвавшихъ его до-гола. На просьбы ему отвѣчали пулями. Народъ искалъ спасенія, но его не было ни откуда. Даже высокое небо долго и долго молчало, а служители неба здѣсь на землѣ пристали къ угнетателямъ народа и сами терзали его. Надъ страною стояла темная ночь, оглашавшаяся порою лишь мрачными могильными пѣснями, и вдругъ эту темноту прорѣзалъ лучъ солнца—дума. Чего-жъ удивляться, что народъ бросился къ ней, какъ къ путевой звѣздѣ, какъ къ якорю спасенія. И вдругъ разгонъ Думы.

— Этотъ разгонъ раздался надъ родиной, какъ громовой ударъ и передъ народомъ всталъ вопросъ, гдѣ депутаты, кто, почему ихъ разогналъ. Да, теперь пусть распустятъ хоть десятую Думу, такіе вопросы не будутъ имѣть мѣста: народъ знаетъ, гдѣ искать своихъ представителей—ихъ надо искать по тюрьмамъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ. Народъ заранѣе знаетъ, что та Дума, которая выступитъ на защиту народныхъ правъ, будетъ распущена, и не будетъ распущена лишь та Дума, которая ничего не пожелаетъ дать народу. Но на такую Думу народъ не обращаетъ никакого вниманія и думаетъ свою особую народную думу.

Теперь самъ народъ увидѣлъ, что члены второй

Думы посланы на каторгу; онъ увидѣлъ государственный переворотъ 3 іюня; теперь собрана уже третья Дума, въ которую открыли двери лишь представителямъ 130,000 дворянъ-землевладѣльцевъ, а народа не впустили. Но тогда народъ ждалъ отъ народнаго представительства отвѣта на роспускъ думы.

Этимъ отвѣтомъ было выборгское воззваніе.

Народъ долженъ имѣть право защиты, и единственный способъ къ этому—закрыть передъ правительствомъ свой кошелекъ.

Вы можете наложить на насъ наказаніе, и это наказаніе мы будемъ нести. Но намъ важенъ другой судъ. Намъ важенъ судъ народа: и народъ сказалъ свое слово, выбравъ во вторую думу такихъ же, какъ и мы. Намъ важенъ судъ другихъ народовъ, и ихъ голосъ былъ слышенъ. Въ Западной Европѣ состоялись десятки народныхъ собраній, высказавшихъ сочувствіе русскимъ. Даже въ Англіи представитель правительства сказалъ: убили думу, да здравствуетъ дума.

Вотъ судъ народовъ!

Вы можете назначить намъ наказаніе. Но знайте: вамъ отъ народнаго суда не уйти. Правительству остается одно: или пойти на уступки, или сама жизнь заставитъ его уступить.

Я вижу первую Государственную Думу на скамьѣ подсудимыхъ. Значитъ правительство само на уступки не пойдетъ.

Значитъ—слово за народомъ!

Рѣчь прокурора.

Прокуроръ. *) Господа судьи и сословные представители! 8 іюля 1906 г. Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, была распущена первая Государственная Дума. На другой день, 9 іюля, часть членовъ этой бывшей Государственной Думы отправилась на финляндскую территорію въ Выборгъ для того, чтобы обсудить, какое имъ занять положеніе по отношенію къ избирателямъ послѣ роспуска Государственной Думы. Вечеромъ 9 іюля они собрались въ одной изъ гостинницъ Выборга, причемъ засѣданіе было открыто бывшимъ предсѣдателемъ Государственной Думы профессоромъ Муромцевымъ. Не знаю, насколько вѣрно то, что я слышалъ, но говорили тогда, что собраніе было открыто словами: «засѣданіе Государственной Думы продолжается». *(Шумъ протеста, крики—неправда! ложь!)*.

Предсѣдатель. Этого на судебномъ слѣдствіи не говорилось.

Прокур. Я опять повторяю, что не знаю, правда ли это. Такой фактъ судебнымъ слѣдствіемъ не подтвердился, и я о немъ говорить не буду. Но ясно одно: въ

---

*) Рѣчь прокурора емъ всю цѣликомъ, слово въ слово.

этомъ засѣданіи, въ этомъ собраніи собрались вчерашніе члены вчерашней Государственной Думы, созванные для того, чтобы дать Россіи новые законы. И для того, чтобы въ русскомъ народѣ поселить идею законности, они въ этомъ засѣданіи, на этомъ собраніи пошли по пути преступленія, потому что, что бы ни говорили въ теченіе всего судебнаго слѣдствія, что бы ни говорили о томъ, что преступленія совершено не было, что дѣяніе, въ которомъ обвиняются въ настоящее время члены Государственной Думы, не преступно, что само обвиненіе, предъявленное имъ, не выдерживаетъ критики, и дѣяніе, въ которомъ они обвиняются, неподсудно совершенно русскимъ законамъ,—я продолжаю утверждать и буду утверждать, что преступленіе совершено и подсудно тому суду, который въ настоящую минуту ихъ судитъ.

Въ чемъ обвиняются бывшіе члены Государственной Думы? Они обвиняются въ томъ, что они распространяли воззваніе, призывающее къ неповиновенію законамъ. Поэтому, раньше всего, господа судьи и сословные представители, намъ нужно остановиться на содержаніи распространеннаго воззванія, установить, дѣйствительно ли воззваніе было такимъ, какимъ оно является въ обвинительномъ актѣ. По этому вопросу судебная практика уже высказалась. Воззваніе это, господа судьи и сословные представители, было настолько широко распространено въ Россіи, что я думаю, что нѣтъ ни одной судебной палаты, которая не разсматривала бы этого дѣла, на которое она не вынесла бы уже обвинител. приговора. Но самое содержаніе воззванія никакихъ сомнѣній возбуждать не можетъ. 129 ст. угол. улож., подъ которую подводится дѣяніе, въ 3-мъ пунктѣ своемъ предусматриваетъ воззваніе, призывающее къ неповиновенію и противодѣйствію законамъ.

Въ выборгскомъ воззваніи говорится прямо: не давайте казнѣ ни копѣйки, ни одного солдата въ армію! Такимъ образомъ, это воззваніе призываетъ населеніе Россіи къ неповиновенію тѣмъ законамъ, которыми оно обязывается уплачивать подати и давать солдатъ. Обращаясь затѣмъ ко второму вопросу, именно къ тому, въ чемъ обвиняются подсудимые, я долженъ сказать, что тѣмъ пунктомъ, которымъ заканчивается обвинительный актъ, они обвиняются въ соучастіи въ распространеніи воззванія. И вотъ, по моему, раньше всего можетъ возникнуть вопросъ о томъ, возможно ли вообще соучастіе въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняются подсудимые; 51 статья уголов. улож., которая говоритъ о соучастіи, никакихъ исключеній въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ. Такимъ образомъ, уголовное уложеніе допускаетъ возможность соучастія при совершеніи всѣхъ преступленій, которыя строго предусмотрѣны. Но, разумѣется, это возможно только въ томъ случаѣ, если возможны другія условія, наличность которыхъ требуется для установленія соучастія,—при совершеніи даннаго преступленія было ли и возможно ли соглашеніе? Поэтому надо раньше всего установить, было ли соглашеніе, а затѣмъ, на что соглашеніе было направлено, потому что, если мы установимъ, что, дѣйствительно, соглашеніе существовало и по этому соглашенію воля была направлена на совершеніе одного и того же преступленія, затѣмъ, по общему духу уголовнаго законодательства совершенно является безразличнымъ, было ли совершено преступленіе фактически всѣми, или только по соглашенію съ ними, по ихъ желанію, отдѣльными нѣкоторыми лицами изъ числа участниковъ.

Что такое соглашеніе было, нѣтъ никакихъ сомнѣній. Мы знаемъ, что именно для такого соглашенія

они отправились въ Выборгъ, что воззваніе было составлено послѣ того, какъ оно продолжительно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обсуждалось всѣми участниками, и только тогда, когда участники согласились на извѣстныя дѣйствія, эти дѣйствія были совершены. Но на что было направлено соглашеніе, въ чемъ, собственно, проявилась въ данномъ случаѣ воля подсудимыхъ—на это, господа судьи и сословные представители, на это вамъ еще третьяго дня отвѣтилъ одинъ изъ подсудимыхъ. Онъ сказалъ, на что могла быть направлена воля лицъ, которыя издавали воззваніе. Дѣйствительно, воля лицъ могла быть направлена на одно,—чтобы воззваніе дошло до тѣхъ, къ кому оно было обращено, потому что, вѣдь, иначе никакого смысла, никакой цѣли въ составленіи этого воззванія не было. Безусловно, что лица, которыя изъявили согласіе на составленіе воззванія, они тѣмъ самымъ, разумѣется, выразили свою волю, свое желаніе, чтобы воззваніе было распространено, и такъ какъ въ заголовкѣ воззванія стояло слово «къ народу», несомнѣнно, изъ этого видно, что стремленія, цѣли и воля подсудимыхъ направлены были на то, чтобы составить такое воззваніе, которое дошло бы до народа, чтобы распространилось среди народа.

Но затѣмъ, гг. судьи и сословные представители, по нашему закону мало одного соглашенія для того, чтобы обвинить подсудимыхъ въ совершеніи опредѣленнаго дѣянія, надо, чтобы соглашеніе проявилось чѣмъ-нибудь, чтобы затѣмъ отъ словъ перешло къ дѣлу. Но этого обстоятельства подсудимые тоже не отрицаютъ. Изъ объясненій по настоящему дѣлу мы видимъ, что сейчасъ послѣ того, какъ соглашеніе состоялось, оно стало приводиться въ дѣйствіе. Было написано воззваніе, подтверждено подписями, затѣмъ воз-

званіе было немедленно отпечатано. Черезъ нѣсколько дней, 11-го числа, оно было готово въ печатномъ видѣ, и того же 11 числа началось распространеніе, потому что изъ свидѣтельскихъ показаній мы видѣли, что изъ окна поѣзда, въ которомъ возвращались подсудимые изъ Выборга, уже въ предѣлахъ русской территоріи, на ст. Шувалово и Удѣльной, стали выбрасываться пачки воззванія. Послѣ этого воззваніе, какъ извѣстно, получило широкое распространеніе по всей Россіи, въ этомъ распространеніи участвовали опять-таки тѣ же лица, не всѣ, но нѣкоторыя, которыя въ настоящее время привлечены.

Такимъ образомъ, гг. судьи и сословные представители, является вполнѣ установленнымъ, что въ Финляндіи въ Выборгѣ состоялось между подсудимыми, привлеченными по настоящему дѣлу, соглашеніе, что соглашеніе было направлено на изданіе, на размноженіе путемъ печати и на распространеніе воззванія, призывающаго населеніе къ неповиновенію, что затѣмъ воззваніе нѣкоторыми изъ нихъ, по соглашенію со всѣми остальными, было распространено.

Послѣ этого, гг. судьи и сословные представители, я остановлюсь лишь весьма кратко на вопросѣ о томъ, почему является подсудность русскому суду. Я остановлюсь на этомъ только потому, что вопросъ былъ затронутъ однимъ изъ подсудимыхъ въ его объясненіи; по моему, онъ совершенно ясенъ для каждаго и у юриста сомнѣній возбуждать не можетъ. Согласно ст. 208 уголов. судопроизвод., преступное дѣяніе судится по мѣсту его совершенія. Гдѣ же произошло распространеніе воззванія? Оно произошло въ предѣлахъ русской имперіи. По этой статьѣ подсудимые, обвиняемые въ этомъ дѣяніи, несомнѣнно, являются подсудными русскому суду, а затѣмъ, гдѣ бы ни были подготови-

тельныя дѣйствія къ этому преступленію, въ Финляндіи, Россіи, Америкѣ, гдѣ бы ни были, никакого значенія для подсудности не могутъ имѣть, потому что подсудность опредѣляетъ мѣсто совершенія преступленія. Но кромѣ критики обвинительнаго акта, которую намъ пришлось выслушать, мы еще слышали упреки въ томъ, что въ обвинительномъ актѣ было, какъ цѣль, указано то, что въ дѣйствительности является не цѣлями, а средствами для совершенія того, что хотѣли сдѣлать бывшіе члены Гос. Думы. По этому поводу, гг. судьи, я скажу только, что, несомнѣнно, иначе не могло быть поставлено обвиненіе—тѣ цѣли, которыя указаны въ воззваніи, тѣ цѣли, которыя указывались въ теченіе всѣхъ дней на судѣ, являются, конечно, непреступными и не за эти цѣли привлечены эти лица. Эти лица привлечены за то, что цѣли добивались средствами, которыя являлись преступными; они судятся только за эти средства, поэтому вполнѣ естественно указываемыя средства и являются какъ бы цѣлями въ обвинительномъ актѣ. Но, кромѣ этого, гг. судьи и сословные представители, насъ станутъ увѣрять здѣсь въ томъ, что средства являются непреступными, исходя изъ того соображенія, изъ того принципа, что вообще цѣль оправдываетъ средства. Конечно, на эту точку зрѣнія судъ стать не можетъ. Но судъ не можетъ не считаться въ своемъ приговорѣ и съ тѣмъ, что подсудимые, судя по ихъ показаніямъ, считали свой поступокъ добросовѣстнымъ исполненіемъ долга, потому что средства, тотъ способъ, который они избрали, освященъ обычаемъ, что онъ принятъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, практикуется въ западныхъ государствахъ, которыя допускаютъ подобнаго рода способъ борьбы—борьбы мирной, называемой пассивнымъ сопротивленіемъ.

По этому поводу, гг. судьи и сословные представители, между прочимъ, подсудимый профессоръ Кокошкинъ привелъ историческую справку, сказавъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, безъ указанія года, прусское представительное собраніе прибѣгало къ такому же способу борьбы и послѣдствіемъ этого способа было то, что правительство пошло тогда на уступки и никто изъ депутатовъ за это не пострадалъ. Я лично не могу припомнить, когда это было и былъ ли вообще такой аналогичный случай. Я помню исторію ландтага 1848 г., но мнѣ кажется, что этотъ примѣръ не подходитъ къ настоящему случаю. Тамъ ландтагъ существовалъ, тамъ онъ въ этотъ моментъ еще распущенъ не былъ. Онъ былъ распущенъ послѣ того, какъ сдѣлалъ постановленіе о неплатежѣ налоговъ и то, что сдѣлалъ ландтагъ, являлось формой конституціонной борьбы; мы же, гг. судьи и сословные представители, имѣемъ дѣло совсѣмъ съ другимъ случаемъ *). 9 и 10 іюля Государственной Думы уже не существовало и депутатовъ уже не было, и лица, которыя собрались въ Выборгѣ, были частными лицами, частныя лица составили преступное воззваніе и частныя лица воззваніе распространяли. Затѣмъ въ случаѣ изъ исторіи прусской жизни опять-таки не было такого воззванія къ народу; ландтагъ сдѣлалъ постановленіе, не возбуждалъ къ такой борьбѣ народныя массы и не выносилъ его изъ стѣнъ парламента на улицу. Можетъ быть, впрочемъ, я ошибусь,

*) Въ этомъ мѣстѣ прокуроръ ошибся, а Кокошкинъ какъ разъ былъ правъ. Прусскій ландтагъ (т. е. прусская государственная дума) былъ распущенъ (хотя только на время) королемъ, какъ и русская дума, и только послѣ этого его члены обратились къ народу съ воззваніемъ не платить налоговъ и не давать рекрутовъ; совершенно, какъ въ Россіи; разница только въ томъ, что ихъ за это подъ судъ не отдали. Случилось это въ ноябрѣ 1848 г.

если скажу, что профессоръ Кокошкинъ имѣлъ въ виду другой случай изъ прусской жизни *). Но я полагаю одно, гг. судьи и сословные представители, что вообще идея пассивной борьбы не была принята въ Западной Европѣ и не считалась конституціоннымъ актомъ. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы къ этому способу борьбы, гдѣ бы то ни было, въ государствахъ всего міра прибѣгали во всякую минуту. Я думаю, что въ тяжелую минуту для родины граждане ни въ одной странѣ, не только въ Пруссіи, никогда бы не выпустили такого воззванія, которое могло бы служить вредомъ для ихъ родины. Что былъ именно такой моментъ, гг. судьи и сословные представители, мы можемъ видѣть изъ того же самаго воззванія. Въ воззваніи онъ характеризуется такимъ образомъ: «когда народъ находится на краю разоренія, торговля и промышленность подорваны, когда вся страна охвачена волненіемъ... «Я прибавлю, что это былъ тотъ моментъ, когда страна только-что закончила тяжелую войну, когда страна только-что принесла массу жертвъ людьми и деньгами, страна была охвачена политическими убійствами, огнемъ пожаровъ... И я думаю, что въ такой моментъ ни одинъ гражданинъ ни въ одной странѣ не сказалъ бы: ваше положеніе тяжело, государству теперь нужны люди, нужны солдаты, нужны деньги, и мы воспользуемся этимъ положеніемъ для достиженія нашихъ цѣлей, и мы призываемъ васъ не давать ни денегъ, ни солдатъ. Я, гг. судьи и сословные представители, удивляюсь тому, что проф. Кокошкинъ вспомнилъ этотъ историческій примѣръ, а не какой-нибудь другой въ этомъ родѣ, не

*) Проф. Кокошкинъ имѣлъ въ виду какъ разъ этотъ случай, а не другой какой нибудь, но прокуроръ очивидно этого случая не знаетъ.

вспомнилъ того, что было совсѣмъ недавно и еще въ памяти у всѣхъ насъ и касается жизни той же Германіи. Это тотъ моментъ, когда два года тому назадъ, по поводу недоразумѣній съ Франціей изъ-за Марокко Германіи стала угрожать война, когда на вопросъ, поднятый газетами, какъ будутъ дѣйствовать въ такой моментъ та партія, которая наиболѣе боролась съ правительствомъ, партія соціалъ-демократическая, эта партія отвѣтила, что въ моментъ затруднительный для государства тамъ представителей партій не будетъ, тамъ въ этотъ моментъ будутъ одни нѣмцы, и германская армія можетъ быть покойна.

Это, гг. судьи и сословные представители, указываетъ на то, что кромѣ трехъ типовъ гражданъ, о которыхъ говорилъ Кокошкинъ, существуетъ еще четвертый типъ, и этотъ типъ по-моему является гораздо выше, чѣмъ тотъ, который нарисовалъ проф. Кокошкинъ, который говорилъ, что лучшій гражданинъ тотъ, который усваиваетъ идею пассивнаго сопротивленія и сумѣетъ ее провести въ жизнь; а я думаю, что лучшій гражданинъ тотъ, который въ тяжелую годину для своей родины пойметъ, что это не время для партійныхъ счетовъ, и сумѣетъ отказаться отъ пассивнаго сопротивленія *(шумъ)*.

Предсѣдатель. Прошу быть тише.

Прок. Для того, чтобы закончить свою рѣчь, гг. судьи и сословные представители, я долженъ сказать еще лишь нѣсколько словъ. Въ теченіе всего судебнаго слѣдствія въ своихъ рѣчахъ подсудимые возводили на высокій пьедесталъ то, что они совершили, но я думаю, что предъ тѣмъ судомъ, о которомъ они тоже такъ много говорили, т. е. предъ судомъ исторіи, врядъ ли этотъ пьедесталъ устоитъ. Я думаю, гг. судьи и сословные представители, что исторія чрезъ

нѣсколько лѣтъ скажетъ имъ: я не понимаю, почему вы, призванные для того, чтобы издавать новые законы, сочли, что вы сами выше закона. Я не понимаю, почему вы сочли себя въ правѣ совершить преступное дѣяніе, предусмотрѣнное существовавшими въ то время законами и, когда за это преступленіе васъ привлекли къ суду, то возмущаетесь этимъ судомъ; потому что вы все-таки совершили преступленіе, предусмотрѣнное дѣйствующимъ закономъ, совершили преступленіе не только потому, что пошли противъ своей родины, и должны понять, хотя дѣйствовали и противъ правительства, но правительство и страна настолько тѣсно связаны, что такой способъ борьбы противъ правительства допустимъ быть не можетъ. Съ такой точки зрѣнія, какая бы ни была борьба, она является всегда преступленіемъ. Вы говорите, что васъ народъ оправдалъ, народъ вамъ вѣритъ; но исторія и въ этомъ усумнится, такъ какъ исторія скажетъ, что если бы народъ вамъ повѣрилъ, то пошелъ бы за вами, а народъ за вами не пошелъ.

Рѣчи защитниковъ.

Послѣ прокурора говорили защитники подсудимыхъ **Н. В. Тесленко, В. А. Маклаковъ** и **О. Я. Пергаментъ** (члены второй и третьей Думы). Они были защитниками тѣхъ подсудимыхъ, которые принадлежатъ къ партіи кадетовъ. Трудовики и соціалъ-демократы не пожелали, чтобы ихъ защищали на судѣ. Защитники подробно разобрали доказательства прокурора, разсмотрѣвъ ихъ съ юридической стороны. Они не считали нужнымъ вступать въ политическій споръ и поэтому не коснулись вопроса о томъ, хорошо или дурно было воззваніе, должны ли были народные избранники написать его, когда ихъ распустили и не позволили имъ исполнить того, ради чего ихъ выбралъ народъ; могли ли при такихъ условіяхъ члены Гос. Думы сдѣлать что либо другое и можно ли говорить о томъ, что хорошіе граждане поступили бы иначе,—касаться этого защитники не сочли нужнымъ, такъ какъ выяснить все это должны сами подсудимые. Они только коротко сказали, что народъ, пославшій въ первую Думу людей, которые оказались на скамьѣ подсудимыхъ, ихъ одобрилъ, потому что во вторую Думу онъ послалъ другихъ людей только потому, что послать тѣхъ же имъ не позволили, но эти другіе держались совершенно тѣхъ же убѣжденій, что и члены первой думы, оказавшіеся на скамьѣ подсудимыхъ.

Защитники говорили, что разсматривать поступокъ подсудимыхъ съ этой точки зрѣнія не ихъ, не защитниковъ, дѣло. Ихъ дѣло—разсмотрѣть поступокъ подсудимыхъ съ той точки зрѣнія, съ которой его разсматривалъ прокуроръ, т. е. нарушили ли подсудимые какой-нибудь законъ, можно ли ихъ судить за этотъ поступокъ по закону. Вѣдь прокуроръ отстаиваетъ законность, говоритъ во имя закона и во имя закона же обвиняетъ подсудимыхъ въ томъ, что они призывали къ неповиновенію законамъ. Мы, говорили защитники, будемъ говорить съ прокуроромъ на его собственномъ языкѣ. Странно только, что самъ прокуроръ, на словахъ такой горячій защитникъ законности, въ дѣйствительности нарушаетъ законъ на каждомъ шагу.

Законъ нашъ знаетъ два различныхъ преступленія: во первыхъ составленіе преступныхъ воззваній, а во вторыхъ ихъ распространеніе. О первомъ изъ этихъ преступленій говоритъ статья 132 Уголовнаго Уложенія, и судить за него нужно по этой статьѣ, а о второмъ говоритъ статья 129-ая, и судить за него нужно по ней. Можно, если кому угодно, говорить, что въ нашемъ законѣ напрасно два эти преступленія раздѣлены; но, во всякомъ случаѣ, когда мы кого-нибудь обвиняемъ на судѣ, мы должны обвинять его по закону, все равно, хорошъ ли по нашему мнѣнію этотъ законъ, или дуренъ. А законъ то нашъ въ томъ и состоитъ, что составленіе преступнаго воззванія есть одно преступленіе, а его распространеніе совершенно другое: составленіе воззванія карается по закону гораздо легче, чѣмъ распространеніе. За распространеніе можно послать въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а то даже и на каторгу, тогда какъ за составленіе нельзя по закону наказать человѣка болѣе чѣмъ 3-хъ лѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости безъ лишенія правъ состоя-

нія. Хорошъ или дуренъ этотъ законъ, разуменъ или не разуменъ, но это законъ, и прокуроръ обязанъ былъ его держаться.

А между тѣмъ прокуроръ говорилъ, что если люди составили воззваніе, то, значитъ, они хотѣли его распространить, потому что зачѣмъ бы иначе они его и составляли? Значитъ, по словамъ прокурора, они участвовали въ его распространеніи.

Совершенно вѣрно, что члены первой Думы составляли воззваніе для того, чтобы оно распространилось. И все таки можно каждаго наказывать только за то, что онъ сдѣлалъ, а не за то, что онъ хотѣлъ сдѣлать, да не сдѣлалъ, и не за то также, что сдѣлали другіе, хотя бы онъ этому сочувствовалъ, этого желалъ. Значитъ, если выборгское воззваніе дѣйствительно преступно, то составители его совершили только одно преступленіе: именно, что они его составили. Изъ 169 подсудимыхъ только 13 уличены въ томъ, что они воззваніе распространяли. Остальные 156 его не распространяли или, по крайней мѣрѣ, прокуроръ не знаетъ ни одного случая, когда бы они его распространяли. Значитъ онъ долженъ былъ обвинять ихъ по 132 статьѣ, а не по 129 ст.

Почему же онъ этого не дѣлаетъ? Не потому ли, что ему хочется подвергнуть подсудимыхъ болѣе суровому наказанію? Нѣтъ, не потому; вѣдь, и по 132 ст. полагается наказаніе достаточно таки суровое. Такъ почему же? А только потому, что за составленіе воззванія судить подсудимыхъ нельзя. Каждое преступленіе судится по мѣсту, гдѣ оно совершено. Если преступленіе совершено въ Казанской г., за него нужно судить въ Казани, если оно совершено въ Петербургской губ., за него нужно судить въ Петербургѣ, если оно совершено во Франціи—во французскомъ судѣ, въ Англіи—

въ англійскомъ судѣ. Такъ это полагается по всѣмъ законамъ, и русскимъ, и французскимъ, и англійскимъ, и всякимъ инымъ. А въ русскихъ законахъ, въ ст. 5 Уголовнаго Уложенія даже особенно сказано, что если преступленіе совершено въ Финляндіи, то за него судить нужно въ Финляндіи же и по финляндскимъ законамъ. Такъ называемое выборгское воззваніе составлено въ Выборгѣ, т. е. въ Финляндіи. Распространялось оно дѣйствительно въ Россіи, но если судить за составленіе, то нужно судить въ Финляндіи и по финляндскимъ законамъ. Между тѣмъ въ финляндскихъ законахъ своей 132 ст. вовсе нѣтъ; составленіе такого воззванія по финляндскимъ законамъ вовсе не составляетъ преступленія. И вотъ, если бы прокуроръ хотѣлъ дѣйствовать по закону, онъ долженъ былъ бы сказать: «въ составленіи выборгскаго воззванія участвовало 169 человѣкъ; 13 изъ нихъ сверхъ того распространяли это воззваніе въ Россіи. Этихъ 13 нужно судить въ Россіи и по 129 ст. Остальныхъ 156 можно было бы судить только по 132 ст., но ихъ нужно предать суду финляндскому, а финляндскій судъ не сможетъ сдѣлать съ ними ничего иного, какъ оправдать ихъ, такъ какъ финляндцы составленіе этого и подобныхъ воззваній преступнымъ не считаютъ.»

Такъ долженъ былъ бы сказать прокуроръ, если бы онъ хотѣлъ дѣйствовать по закону.

Можетъ показаться страннымъ, что это говоримъ мы, защитники *такихъ* подсудимыхъ, какъ члены 1-й Думы. Вѣдь члены I-й Думы—избранники народа. Они дѣлали то, что подсказывала имъ совѣсть и что обѣщали они народу. Имъ, конечно, не подобаетъ прятаться за разныя законныя ухищренія; имъ не подобаетъ оправдываться тѣмъ, что они совершили свое дѣяніе въ Выборгѣ, а не въ Петербургѣ. Вѣдь это про-

стая случайность! Если бы они могли собраться и написать свое воззваніе въ Петербургѣ, они бы это сдѣлали въ Петербургѣ; вѣдь поѣхали они въ Выборгъ не потому, что тамъ можно составлять воззванія безнаказанно, а только потому, что въ Петербургѣ негдѣ было собраться: Таврическій дворецъ былъ запертъ и занятъ полиціей, другія залы, гдѣ могли бы собраться 200 человѣкъ, тоже. Наказанія же члены думы не боялись и не боятся теперь. Не прятаться отъ суда и закона, не укрываться за болѣе благопріятными финляндскими законами хотѣли они, а только сдѣлать дѣло которое они считали своей прямой обязанностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ никоимъ образомъ не хотятъ они выдавать или подводить тѣхъ, кто обличенъ въ распространеніи воззванія. Отвѣтственность передъ своей совѣстью, отвѣтственность передъ избравшимъ ихъ народомъ они берутъ на себя всѣ одинаково, въ полномъ объемѣ. Берутъ они ее и передъ судомъ, укрываться отъ него они не желаютъ. И поэтому они сами не скажутъ того, что говоримъ мы, защитники. Мы же должны говорить на томъ самомъ языкѣ, на которомъ говоритъ прокуроръ. Гдѣ есть обвинитель, тамъ должны быть и защитники. Да и мы говоримъ это не для того, чтобы оправдывать подсудимыхъ подобнымъ способомъ. Мы говоримъ это только для того, чтобы показать, что по з а к о н у-то судить подсудимыхъ нельзя, и что прокуроръ совершенно напрасно беретъ на себя видъ защитника законности.

Обыкновенно бываетъ такъ: совершено преступленіе, убійство ли, кража или какое-нибудь иное. Преступленіе стало извѣстнымъ. Тогда ищутъ человѣка, который совершилъ это преступленіе. Находятъ его и тогда уже подыскиваютъ статью закона, по которой его можно судить. Такъ бываетъ съ обыкновенными

преступленіями. Здѣсь же какъ разъ наоборотъ. Здѣсь было найдено сперва 169 чел. составившихъ воззваніе. Тогда рѣшено было предать ихъ суду и именно по 129 статьѣ, т. е. не за составленіе, а за распространеніе этого воззванія, и тогда уже стали искать: въ самомъ дѣлѣ, не распространялъ-ли изъ нихъ кто-нибудь этого воззванія самъ? Наконецъ нашли 13 человѣкъ изъ 169-ти. Здѣсь какъ бы сказали слѣдователю: «вотъ тебѣ люди, которыхъ во что бы то ни стало нужно обвинить; вотъ тебѣ ст. 129 закона, по которой ихъ нужно обвинить, а факты для этого преслѣдованія, фактовъ пока нѣтъ... ты ихъ поищи».

Итакъ, гг. судьи, прокуроръ, поднявшійся на защиту закона, призывающій наказать подсудимыхъ за то, что они призвали народъ нарушать законы, самъ отъ начала до конца попираетъ этотъ самый законъ. Но, говорилъ защитникъ Тесленко, не станемъ обвинять за это прокурора. Вѣдь законы соблюдаются въ спокойное, мирное время. Они нужны для показа, а кто же думаетъ о законахъ, когда нужно бороться съ врагомъ! Прокуроръ же и министры смотрятъ на членовъ Думы, защитниковъ народа, какъ на своихъ враговъ.

Вы посмотрите, какъ ведутъ себя подсудимые. Они написали и подписали воззваніе. Но рукопись этого воззванія пропала; ея у прокурора и у суда нѣтъ. Откуда же мы знаемъ, что именно эти подсудимые подписали воззваніе? Правда, ихъ имена стоятъ на печатныхъ воззваніяхъ. Но собственноручной подписи подсудимыхъ у суда нѣтъ. Вотъ одно лицо, имя котораго стояло на воззваніи, заявило, что оно поставлено тамъ по ошибкѣ, что оно воззванія не подписывало. И что же? Этому лицу пришлось повѣрить, потому что никакихъ доказательствъ противнаго нѣтъ.

Но если бы то же самое сказали всѣ остальные

подсудимые, то ихъ волей-неволей пришлось бы отпустить. Болѣе того, имъ незачѣмъ было лгать; они могли вести себя такъ, какъ иногда ведутъ себя обыкновенные подсудимые. На вопросъ о виновности они могли отвѣчать: «виновнымъ себя не признаю и болѣе ничего говорить не желаю». Ищите, дескать, сами, подписался я, или нѣтъ! И тогда судить ихъ не было-бы никакой возможности. И прокуроръ, и судъ должны были бы сообразить: «одна подпись поставлена по ошибкѣ, кто знаетъ, м. б., и вторая, и третья, и четвертая поставлены по ошибкѣ? Кто знаетъ, которая поставлена не по ошибкѣ»? Но подсудимые не пожелали этого сдѣлать. Виновными они себя не признаютъ, потому что, по ихъ мнѣнію, они исполнили свой долгъ, а преступленія никакого не совершили, но отъ подписи своей они все же не отрекаются, они ее признаютъ, кромѣ одного лица, которое дѣйствительно не подписывалось. Они вели себя совсѣмъ не такъ, какъ ведутъ себя преступники, которые хотятъ избавиться отъ наказанія, и дѣлаютъ это они потому, что они дѣйствительно вовсе не преступники, а посланцы народные.

Совершенно также поступали народные избранники и въ другихъ государствахъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, и прокуроръ совершенно напрасно говоритъ, что только плохіе граждане и только въ Россіи могли такъ поступить. Нѣтъ, въ Пруссіи, о которой совершенно невѣрно говорилъ прокуроръ, въ Пруссіи въ 1848 г. національное собраніе, т. е. такая же дума, какъ и наша, когда король его распустилъ, поступило совершенно также, и даже еще рѣшительнѣе. Оно продолжало засѣдать въ Берлинѣ и послѣ королевскаго приказа о закрытіи засѣданій, точно также оно постановило не платить налоговъ, и засѣдало оно до тѣхъ поръ, пока не было разогнано штыками. Но въ Пруссіи не нашлось проку-

рора, который привлекъ бы за это къ суду народныхъ избранниковъ. Во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ правительство не имѣетъ права собирать налоговъ, пока этихъ налоговъ не утвердятъ народные избранники. Парламентъ имѣетъ право утвердить налоги или отказать въ ихъ утвержденіи. Намъ тоже обѣщали, что у насъ Дума будетъ утверждать законы и налоги. И вотъ Думу распустили. Совершенно естественно, что члены Думы не могли считать законнымъ все дальнѣйшее поведеніе беззаконныхъ властей; они поэтому и отказали властямъ въ правѣ собирать налоги. Иначе поступить они не могли.

Защитникъ трудовиковъ и соціалъ-демократовъ **Александровъ** вмѣсто того, чтобы защищать подсудимыхъ, сдѣлалъ только краткое заявленіе, что защищать ихъ онъ не можетъ. Я же, говорилъ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, выбиралъ ихъ въ думу, чтобы они въ ней защищали весь народъ и меня вмѣстѣ съ нимъ; они добросовѣстно исполнили свою обязанность, они сдѣлали какъ разъ то, чего требовали отъ нихъ мы, ихъ избиратели; какъ же теперь будемъ ихъ мы защищать?! Я могу сказать отъ имени всего народа, что мы всѣ, весь народъ, гордимся ими, что мы ихъ глубоко уважаемъ за ихъ мужество, стойкость, которыя они проявили, наконецъ за ихъ страданія, которыя они перенесли. Не намъ ихъ защищать! Это наши избранники, и они остаются ими и сейчасъ.

На этомъ кончилось четвертое засѣданіе суда, 16 декабря. На слѣдующій день, какъ только открылось пятое засѣданіе, сейчасъ-же обнаружилось, что одного подсудимаго, депутата отъ крестьянъ Симбирской губ., трудовика Матвѣева, нѣтъ. Гдѣ онъ? Оказалось, что онъ

вечеромъ наканунѣ, лишь только вернулся изъ суда въ помѣщеніе, гдѣ квартировали подсудимые трудовики, былъ неожиданно арестованъ. За что,—никто не знаетъ, даже онъ самъ; арестовавшая его полиція не сочла нужнымъ доставить его въ судъ. Подсудимые потребовали, чтобы Матвѣева не судили въ его отсутствіе; предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе доставить его въ судъ, и засѣданіе пришлось отложить, пока его не приведутъ. Черезъ полтора часа Матвѣевъ былъ приведенъ въ судъ и засѣданіе было вновь открыто.

Послѣднее слово предсѣдателя Гос. Думы С. А. Муромцева.

Такъ какъ рѣчи защитниковъ были закончены, то предсѣдатель предложилъ подсудимымъ сказать свое «послѣднее слово». Воспользовался правомъ «послѣдняго слова» по общему желанію только одинъ **С. А. Муромцевъ**, предсѣдатель первой думы, да небольшую поправку къ его рѣчи сдѣлалъ Рамишвили; всѣ остальные отъ послѣдняго слова отказались.

Вотъ «послѣднее слово» **Муромцева** отъ начала до конца, слово въ слово, какъ оно было сказано.

С. А. Муромцевъ. Господа особое присутствіе! Учрежденіе Гос. Думы налагаетъ на предсѣдателя Государственной Думы обязанность слѣдить за сохраненіемъ порядка и соблюденіемъ уваженія къ закону въ засѣданіяхъ Гос. Думы и вообще въ стѣнахъ самой Гос. Думы. Положеніе предсѣдателя Государственной Думы само по себѣ таково, что его вліяніе въ указанномъ направленіи распространяется и за стѣны Таврическаго дворца. И вотъ я понимаю, почему многіе изъ тѣхъ, которые послѣ 10 іюля искренно или, быть можетъ, и неискренно осуждали актъ выборгскаго воззванія, не разъ гласно задавали вопросъ: какимъ образомъ могло произойти, что предсѣдатель Государственной Думы не воспользовался этимъ своимъ положеніемъ, этимъ своимъ возможнымъ вліяніемъ и допу-

стилъ появленіе означеннаго акта и даже самую поѣздку въ Выборгъ. Да, господа, дѣйствительно, положеніе предсѣдателя Государственной Думы было таково, каковымъ оно предполагается означенными вопрошателями; и оно обусловливалось не только тѣмъ, какъ его оффиціальныя обязанности опредѣлены въ законѣ, оно обусловливалось еще и тѣмъ, что, въ силу своего положенія, онъ могъ многое знать, чего не знали другіе члены Государственной Думы, такъ что, опираясь на эту свою особенную освѣдомленность, могъ сообщить членамъ Государственной Думы въ критическій моментъ нѣчто, что могло бы измѣнить направленіе ихъ дѣйствій. Въ виду поставленнаго мнѣ вопроса, я начинаю припоминать, что именно я могъ бы тогда сообщить такое, что могло бы содѣйствовать успокоенію возникшаго настроенія: если бы, напримѣръ, своимъ бывшимъ товарищамъ по Думѣ я 9 іюля разсказалъ, что въ первый же день открытія Государственной Думы, 27 апрѣля, глава министерства, бесѣдуя со мной, сообщилъ, что въ Петербургѣ не привыкли работать лѣтомъ, что всѣ нуждаются въ отдыхѣ, что нужно поскорѣе разъѣхаться по домамъ и что Дума сдѣлаетъ хорошо, если ограничится 10—12 засѣданіями въ маѣ, отложивъ всю серьезную работу до осени; или если бы я сказалъ, что на мой сдержанный протестъ противъ такого заявленія мнѣ отвѣчали:—да, но вѣдь министерство новое, оно еще не осмотрѣлось, оно не знаетъ положенія вещей, оно само должно предварительно просмотрѣть законопроекты, надо отложить законодательство до осени— и что только тогда, когда на это послѣдовало новое энергичное возраженіе о томъ, что такъ нельзя поступать, что представители народа съѣхались не для того, чтобы проживать и гулять въ Петербургѣ, что они горятъ желаніемъ работать, что они готовы хоть до

Рождества не разъѣзжаться, если это нужно,—только тогда послѣдовало по министерствамъ распоряженіе о представленіи законопроектовъ, какіе есть подъ рукой, откуда и произошли первые представленные въ Думу законопроекты. Если бы я разсказалъ все это изъ области своей особой освѣдомленности, то, спрашивается, успокоилъ бы я тѣмъ членовъ Государственной Думы? Но вы скажете, что у предсѣдателя были, вѣроятно, и другіе источники, свѣдѣніями изъ которыхъ онъ могъ бы подѣлиться. Да, конечно, были. Учрежденіе Государственной Думы воспрещаетъ населенію обращаться къ Государственной Думѣ не только съ депутаціями, но и со всякаго рода заявленіями и сообщеніями, однако, еще раньше, чѣмъ Государственная Дума собралась, въ канцеляріи Государственной Думы, находившейся тогда въ вѣдѣніи чиновниковъ государственной канцеляріи, накопились цѣлыя кипы обращеній, доставленныхъ по почтѣ; такъ что предсѣдатель и секретарь Государственной Думы не успѣли оглядѣться въ своихъ кабинетахъ, какъ ихъ столы были завалены массой пакетовъ. Затѣмъ пакеты продолжали поступать ежедневно. Населеніе, очевидно, не понимало, какимъ образомъ можетъ существовать высшее государственное учрежденіе, съ которымъ населеніе было бы лишено возможности общенія. Часть означенной корреспонденціи была оглашена въ засѣданіяхъ Думы, большая часть была передана въ аграрную комиссію. Это были заявленія сельскихъ обществъ по поводу существующей земельной нужды, иногда чисто конкретнаго содержанія, съ указаніемъ, что около надѣла такого-то селенія существуютъ такіе-то подходящіе для прирѣзки участки... и такъ далѣе, и т. д. Все это, говорю я, было передано въ аграрную комиссію. Но кромѣ того была также корреспонденція иного

рода. Только-что такъ называемый аграрный вопросъ былъ Государственною Думою поставленъ, только-что въ отвѣтъ на тронную рѣчь Его Величества было изложено мнѣніе Государственной Думы по этому вопросу, а черезъ нѣсколько дней въ той же Думѣ оглашено мнѣніе министерства, такъ съ каждымъ днемъ все въ большемъ и большемъ количествѣ на имя предсѣдателя Думы стали поступать многочисленныя письма отдѣльныхъ лицъ,—иногда мнѣ лично извѣстныхъ, въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныхъ—это все были землевладѣльцы, дворяне, помѣщики, это были письма, написанныя не только мужской, но часто и женской рукой. Стали поступать заявленія различныхъ союзовъ, тогда находившихся въ періодѣ первообразованія. Все это сплошь было стономъ землевладѣльческаго класса, протестующаго противъ идей, принимаемыхъ Государственной Думой за руководство въ области аграрнаго вопроса. Это былъ не только стонъ, но часто ничѣмъ не сдерживаемое надругательство надъ Государственной Думой, представлявшей въ то время высшее государственное учрежденіе; надругательство, сопряженное нерѣдко съ угрозами, направленными противъ отдѣльныхъ лицъ. Это ли я долженъ былъ докладывать бывшимъ членамъ Государственной Думы, чтобы успокоить ихъ 9 іюля? Думаю, господинъ предсѣдатель, что и вы на моемъ мѣстѣ такого доклада не сдѣлали бы! А затѣмъ, начиная съ первыхъ чиселъ іюня, пошла новая полоса корреспонденціи, поступавшей на имя предсѣдателя. Эта корреспонденція шла уже изъ селъ и деревень—изъ крестьянской среды; она имѣла видъ не частныхъ писемъ, она была облечена въ форму приговоровъ, постановленныхъ сельскими сходами, закрѣпленныхъ печатями, засвидѣтельствованныхъ въ волостныхъ правленіяхъ. Акты этого рода имѣли всѣ признаки

оффиціальныхъ документовъ. Населеніе, испуганное обнаружившимся конфликтомъ Государственной Думы съ министерствомъ и возникшими слухами о близкомъ роспускѣ Государственной Думы, настаивало на томъ, чтобы она оставалась, чтобы она защищалась, и, съ своей стороны, выражало въ самыхъ недвусмысленныхъ формахъ свое намѣреніе поддержать Государственную Думу въ случаѣ, если на нее послѣдуетъ нападеніе сверху. Долженъ ли былъ я 9 іюля распространяться объ этомъ предъ членами Государственной Думы? Относительно самой обстановки роспуска могъ ли я также сказать что-нибудь, чтобы успокоить волненіе? Я могъ бы сообщить, что въ пятницу, 7-го іюля, министръ внутреннихъ дѣлъ разговаривалъ со мною по телефону и настаивалъ на томъ, чтобы на понедѣльникъ, т. е. на 10 іюля, я поставилъ его заявленіе на повѣстку. Я могъ бы сообщить, что я самъ о послѣдовавшемъ роспускѣ Думы узналъ лишь въ 9 часовъ утра 9-го іюля, когда мой товарищъ князь Долгоруковъ пришелъ ко мнѣ на квартиру, разбудилъ и разсказалъ мнѣ о состоявшемся событіи. Оффиціальную же бумагу о роспускѣ я получилъ отъ бывшаго предсѣдателя совѣта министровъ только во 2-мъ часу дня въ воскресенье, 9-го іюля. Что это все могло измѣнить въ оцѣнкѣ обстановки событія? Въ пониманіи момента въ то время никакихъ разногласій не было. Всѣ были по этому предмету одинаковаго мнѣнія. Отправились въ Выборгъ. Состоялся извѣстный актъ. Я возвратился въ Петербургъ 10-го іюля къ вечеру. Вечеромъ 10-го іюля я попалъ въ общество друзей и товарищей. Другихъ разговоровъ не было, кромѣ того, что близится что-то нехорошее, но скажу прямо возстаніе, не въ Петербургѣ,—нѣтъ, но въ селахъ и въ деревняхъ. Разница въ мнѣніяхъ заключалась лишь въ томъ, что

одни давали сроку четыре, другіе восемь дней и т. д. Гг. судьи, если кто изъ васъ былъ тогда въ Петербургѣ, развѣ вы сами не знаете, какіе тогда велись разговоры, какія опасенія ходили повсюду. Повторяю, въ оцѣнкѣ момента тогда люди не расходились. Ошибались—да, но ошибались всѣ одинаково; ошибались наверху, ошибались внизу, ошибались и въ средѣ членовъ Государственной Думы; но различныхъ мнѣній не существовало.

Что касается до самаго акта выборгскаго воззванія, то для правительства вѣдь это же былъ все тотъ же старый давнишній вопросъ, правительству постоянно былъ выборъ между двумя возможными формами политики, примѣняемой въ тѣхъ случаяхъ, когда грозитъ политическое несчастье. Когда идетъ могучій горный потокъ, то, чтобъ спасти деревню, лежащую на пути потока, бросаются строить плотину, чтобы потокъ остановить; но кто думаетъ, что потокъ нельзя остановить, тотъ ищетъ другія средства: онъ стремится прорыть каналы и отвести потокъ по этимъ каналамъ отъ угрожаемыхъ имъ жилищъ. Члены Гос. Думы думали, что правительство отнесется именно такъ къ акту воззванія. Но, говорятъ, въ минуту опасности всѣ партіи должны соединиться противъ общаго врага: въ минуту опасности нужно пойти рука объ руку съ правительствомъ; и, говоря такъ, разумѣютъ не Государя, но именно правительство, вѣрнѣе, министерство; и если министерство нашло нужнымъ поставить глухую плотину, то и всѣ должны помогать ему въ этомъ. Намъ повторяютъ, что при наступленіи врага—всѣ партіи соединяются, что на Западѣ даже соціалъ-демократы слѣдуютъ этому пріему противъ врага.

Но кто же въ данномъ случаѣ считается врагомъ? Вѣдь партіи соединяются, когда наступаетъ внѣшій

врагъ, когда чужестранецъ наступаетъ на страну, когда нужно спасать страну отъ нашествія. Но развѣ свой народъ можетъ быть врагомъ? Народъ можетъ быть врагомъ правительства? Народъ можетъ быть врагомъ партій? Можетъ быть врагомъ кого бы то ни было? Развѣ возможно такое отношеніе къ народу? Такія воззрѣнія возвращаютъ насъ въ средніе вѣка, когда населеніе государства дѣлилось на завоевателей и завоеванныхъ, и когда, дѣйствительно, правительство, состоящее изъ завоевателей, смотрѣло на населеніе, какъ на врага. Но развѣ теперь кто нибудь—будь онъ той или другой партіи, того или другого сословія—крестьянинъ или дворянинъ, развѣ можетъ такъ смотрѣть на свой народъ? Господа судьи, вамъ называютъ рекомендуемое воззрѣніе патріотическимъ! Нѣтъ, это не патріотическая точка зрѣнія, и нѣтъ словъ для того, чтобы протестовать всей душой противъ такого антигосударственнаго взгляда...

Но будемъ спокойны и пойдемъ дальше... Актъ выборгскаго воззванія былъ оглашенъ. Начинается его обсужденіе. Казалось бы, что разумная пресса, разумное общество, разумнѣйшее, выше всѣхъ поставленное дворянское сословіе, въ своихъ собраніяхъ, могли бы отнестись къ этому акту, въ особенности въ виду того, что, какъ говорятъ, практически изъ него ничего не вышло, могли бы къ нему отнестись спокойно, обсудить этотъ актъ съ точки зрѣнія того политическаго значенія, которое влагалось въ него его составителями, —судить самихъ составителей съ точки зрѣнія тѣхъ мотивовъ, которыми они руководились. Но вмѣсто того поднялась полемика, получившая характеръ не критики, но травли. И травили не составителей выборг. воззванія—травили 1-ю Государственную Думу, какъ таковую. Вопросъ выборгскаго воззванія былъ обращенъ

въ вопросъ первой Государственной Думы. Было позабыто, что эта Дума впервые придала неорганизованному, наполовину стихійному движенію народа формы организованныя,—что въ стѣнахъ Государственной Думы партіи, встрѣтившись между собою, впервые поняли, что пора сойти съ почвы митинга и встать на почву организованнаго собранія, что Государственной Думой впервые ясно и авторитетно,—потому что она была Государственная Дума,—было показано различіе, которое отдѣляетъ положеніе монарха отъ положенія министерства, что Думою было провозглашено: нападайте на министерство и не касайтесь монарха!—чего не знала митинговая политика.

Было забыто все, что сдѣлала Государственная Дума,—было забыто, что она послужила и нѣкоторому сближенію общества и правительства, намѣтила хотя возможность уменьшенія той пропасти, объ уничтоженіи которой мечталъ даже такой государственной человѣкъ, какъ Плеве, который вопрошалъ всѣхъ обращавшихся къ нему общественныхъ дѣятелей: какъ бы уничтожить пропасть, отдѣляющую общество отъ правительства? Все это было забыто. Подъ видомъ нападенія на воззваніе шло нападеніе на Государственную Думу,—и трудно было различить, что собственно въ концѣ концовъ такъ раздражаетъ нападающихъ, что именно хотятъ погубить. Временами въ этой травлѣ слышались голоса тѣхъ же самыхъ писемъ, которыя получались предсѣдателемъ Государственной Думы по поводу аграрнаго вопроса, казалось также, что въ выборгскомъ воззваніи раздражаетъ не столько его вторая часть, которая вамъ, гг. судьи, представляется преступленіемъ, но первая часть воззванія; возмущаются именно тѣмъ обстоятельствомъ, что бывшіе депутаты осмѣлились указать народу на опасность, грозя-

щую самому народному представительству. Наконецъ, казалось иногда и то, что нападеніе имѣетъ личный характеръ, что кому-то въ чью-то угоду надо кого-то непремѣнно погубить. Распространялись невозможнѣйшіе слухи, сплетни, клеветы...

Г. предсѣдатель, я этой области и не касался бы совсѣмъ, если бы здѣсь не была сдѣлана попытка обратить трибуну прокурора въ мѣсто «свидѣтеля по слухамъ». Скажу только одно по поводу всякаго рода слуховъ, отъ кого бы они ни шли, разъ ужъ здѣсь обратились къ нимъ за помощью: можете, господа, клеветать, сколько угодно, можете выдумывать, что угодно, можете изобрѣтать самыя несообразныя вещи,—отвѣчать вамъ не будемъ. Ибо недостойно для бывшихъ представителей Государственной Думы отвѣчать на подобнаго рода клеветы, которыя распространялись только потому, что у распространяющихъ ихъ не было и нѣтъ другихъ, болѣе реальныхъ, дѣйствительныхъ обвиненій.

Господа судьи, мы ждали, что вся эта фантасмагорія наконецъ разсѣется, когда дѣло дойдетъ до судебнаго разслѣдованія, мы ждали, что обвинители наши поставятъ это дѣло на свое мѣсто и скажутъ: «оставьте въ сторонѣ первую Государственную Думу, рѣчь идетъ о выборгскомъ воззваніи и только». Но мы получили обвинительный актъ, и обвинительный актъ называется въ первыхъ строкахъ: дѣло о такомъ-то, такомъ-то, такомъ-то. О комъ же?—О лицахъ, составлявшихъ президіумъ первой Государственной Думы. Мы поняли, что хотятъ судить не составителей выборгскаго воззванія, но что на судъ поставили первую Государственную Думу, и тогда, какъ таковые, мы и явились сюда.

Господа судьи, предстоитъ послѣдній моментъ, моментъ постановленія вашего рѣшенія. Ваше рѣшеніе

по дѣйствующимъ законамъ не будетъ мотивировано, и свѣтъ не узнаетъ, какими мотивами вы будете руководствоваться, когда произнесете тотъ или другой обвинительный приговоръ. Но, господа, гипнозъ произведенъ, онъ крѣпко проникъ во всѣ сердца,—и народное сознаніе говоритъ: судятъ первую Государственную Думу. Пусть правители сами разрѣшатъ, насколько такая постановка дѣла соотвѣтствуетъ возвеличенію престижа государственной власти. Что же касается первой Государственной Думы, то скажу вамъ: какъ богатырь старыхъ русскихъ былинъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе мощи по мѣрѣ того, какъ пытаются его низвергнуть, такъ и идея Государственной Думы только ожила, благодаря тому, что настоящее дѣло было поставлено на судъ!

Къ словамъ Муромцева, какъ уже сказано, депутатъ —подсудимый **Рамишвилли** сдѣлалъ только слѣдующее добавленіе.

— Господинъ предсѣдатель, прошу разрѣшенія добавить только два слова къ тому, что я заявилъ раньше. Я хочу отмѣтить, что, подписывая выборгское воззваніе, я лично, конечно, не имѣлъ въ виду своимъ участіемъ въ воззваніи, отвести народное движеніе въ сторону.

Постановка вопросовъ о виновности.

Когда подсудимые окончили свои рѣчи, судъ удалился для постановки вопросовъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся и прочиталъ вопросы о виновности подсудимыхъ. Вопросы были поставлены такъ:

«Виновенъ ли подсудимый Андреевъ (и потомъ о каждомъ подсудимомъ отдѣльно то же самое) въ томъ, что онъ вступилъ со своими товарищами по Думѣ въ соглашеніе возбудить народъ къ отказу отъ платежа налоговъ и поставки рекрутовъ; для этой цѣли онъ вмѣстѣ съ другими лицами, съ которыми онъ согласился, составилъ, подписалъ и самъ лично или черезъ другихъ участниковъ соглашенія распространялъ въ Россіи воззваніе: «Народу отъ народныхъ представителей», въ которомъ приглашалъ гражданъ всей Россіи не давать ни копѣйки денегъ въ казну и не поставлять ни одного солдата въ армію».

Защитникъ **Тесленко** указалъ, что этотъ вопросъ поставленъ неправильно и незаконно. Ни въ обвинительномъ актѣ, ни на судѣ даже не говорилось, что бы Андреевъ, Кокошкинъ, Муромцевъ, Бондаревъ, Брамсонъ или другіе воззваніе распространяли; слѣдовательно, такого вопроса даже и задавать нельзя. Вопросы

можно по закону задавать только о томъ, о чемъ говорилось на судѣ. А о распространеніи этого воззванія большинствомъ подсудимыхъ не говорилось ни слова.

Защитникъ **Н. Д. Соколовъ**, говорившій отъ имени подсудимыхъ трудовиковъ и соц.-демократовъ, сказалъ, что ни онъ, ни тѣ подсудимые, которыхъ онъ защищаетъ, дѣлать замѣчаній по поводу постановки вопросовъ не желаютъ, т. к. вообще подсудимые трудовики и соц.-демократы не желаютъ защищаться съ точки зрѣнія чисто юридической или формальной.

Соображенія Тесленки были настолько очевидно правильны, что даже прокуроръ счелъ нужнымъ согласиться съ ними, и судьямъ пришлось уйти, чтобы поставить вопросъ въ иныхъ выраженіяхъ.

Черезъ нѣсколько времени судъ вернулся и прочиталъ вопросъ въ новой формѣ.

«Виновенъ ли подсудимый Андреевъ (и то же самое относительно всѣхъ другихъ подсудимыхъ) въ томъ, что онъ согласился со своими товарищами по Думѣ возбудить народъ къ отказу въ платежѣ налоговъ и поставкѣ рекрутовъ и для этой цѣли составилъ со своими товарищами для распространенія въ народѣ письменное воззваніе: «Народу отъ народныхъ представителей», послѣ чего это воззваніе, съ вѣдома и согласія подсудимыхъ, было распространено въ Россіи».

И этотъ вопросъ **Н. В. Тесленко** призналъ неправильнымъ. По закону, вопросъ, который ставитъ себѣ судъ, долженъ быть поставленъ такъ, чтобы на него можно было отвѣтить однимъ словомъ: «Да, виновенъ», или: «Нѣтъ, не виновенъ». А тутъ на одну половину во-

проса можно отвѣтить: «Да, виновенъ», а на другую: «Нѣтъ, не виновенъ»; виновенъ въ томъ, что согласился написать воззваніе, и не виновенъ въ томъ, чтобы согласился на его распространеніе, и въ томъ, чтобы таковое распространеніе произошло съ его вѣдома; вѣдь, Андреевъ, Муромцевъ, или кто-нибудь другой могъ совершенно не знать, что Кутомановъ, Враговъ, или кто-нибудь другой воззваніе распространяли. Что же это за вопросъ, на который можно отвѣчать двояко? Это вопросъ совершенно противозаконный. Да и что это значитъ: «съ вѣдома и согласія»? Такихъ словъ нашъ законъ теперь уже не признаетъ. Каждый долженъ обвиняться въ томъ, что онъ самъ сдѣлалъ, а не въ томъ, что за него сдѣлали другіе и о чемъ онъ только зналъ.

И эти замѣчанія Тесленки были настолько очевидно справедливы, что суду не оставалось сдѣлать ничего другого, какъ уйти и еще въ третій разъ поставить вопросъ въ новой формѣ.

На этотъ разъ вопросъ былъ поставленъ такъ:

«Виновенъ ли Андреевъ (и то же самое относительно всѣхъ другихъ подсудимыхъ) въ томъ, что онъ вступилъ съ другими лицами въ соглашеніе возбудить народъ къ неплатежу налоговъ и непоставкѣ рекрутовъ посредствомъ распространенія среди народа воззванія съ такимъ призывомъ, и что съ этою цѣлью онъ составилъ воззваніе: «Народу отъ народныхъ представителей», каковое воззваніе и было распространено 13 іюля въ с. Каменкѣ, 16 іюля въ с. Рамзаѣ и т. д. (Идетъ перечисленіе всѣхъ 13-ти извѣстныхъ суду случаевъ распространенія воззванія).

По отношенію къ 13 подсудимымъ, относительно которыхъ извѣстно, что они воззваніе распространяли,

къ вопросу прибавлены еще слова: «и за симъ для исполненія замышленнаго тогда-то и тамъ-то сдѣлалъ то-то».

И на этотъ разъ защитники подсудимыхъ **О. Я. Пергаментъ** и **В. А. Маклаковъ** указали, что вопросъ опять таки поставленъ неправильно. Согласиться распространить воззваніе не значитъ совершить преступленіе противъ ст. 129. Нужно дѣйствительно распространить его. Поэтому, если хотятъ осудить за распространеніе, то нужно вопросъ ставить такъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что онъ воззваніе распространялъ»; но тогда придется относительно полутораста подсудимыхъ отвѣтить: «нѣтъ, не виновенъ». Разъ хотятъ во что бы то ни стало обвинить за распространеніе, котораго полтораста подсудимыхъ не совершали, то волей-неволей приходится ставить вопросъ такъ, что онъ противорѣчитъ закону.

На этотъ разъ судъ понялъ, что правильно поставить вопросъ онъ не въ состояніи, да и никто не въ состояніи, и потому отказалъ защитникамъ въ новомъ измѣненіи вопроса.

Въ ожиданіи приговора.

Засѣданія суда кончились...

Кончились рѣчи подсудимыхъ-депутатовъ,—отчетъ передъ страной первой Государственной Думы.

Произнесена рѣчь прокурора. Произнесены юридическія рѣчи, доказавшія, какъ не основательно обвиненіе съ точки зрѣнія закона. Три раза по нѣсколько часовъ совѣщался судъ, придумывая, какъ поставить вопросъ. Наконецъ, судъ нашелся,—и вся судебная обрядность кончена. Остается произнести приговоръ надъ первой Государственной Думой.

Судъ,—четыре чиновника и три представителя сословной совѣсти, удалился въ свою комнату для совѣщанія.

Скоро десять часовъ вечера послѣдняго дня суда, 18 декабря 1907 г. Во дворъ суда введена полиція; полиція у входныхъ дверей, на ступенькахъ и площадкахъ угрюмыхъ, каменныхъ лѣстницъ.

Полиція строго слѣдитъ за приходящими: пропускаются только депутаты-подсудимые, да тѣ постороннія лица, которыя имѣютъ выданные судомъ входные билеты.

Въ длинномъ корридорѣ, за низенькой деревянной рѣшеткой, передъ закрытыми дверями суда, передъ приговоромъ, еще разъ собрались вмѣстѣ депутаты, какъ въ день пріема первыхъ избранниковъ народа въ Зимнемъ Дворцѣ; какъ 9 іюля 1906 г. вечеромъ въ Выборгѣ, гдѣ

было составлено воззваніе къ народу отъ представителей народа...

Вотъ они, кого народъ въ свои лучшіе дни послалъ добыть ему волю и землю.

Вотъ бывшіе священники Огневъ, Афанасьевъ: они еще до суда лишены священническаго сана, и какъ-то больно и грустно видѣть ихъ безъ священнической рясы и наперснаго креста. Огневъ живетъ въ Петербургѣ, а его жена, старуха-мать и шестеро дѣтей далеко, въ Вяткѣ. Афанасьевъ принужденъ былъ помѣстить свою семью у священника-родственника: но священника перевели за это въ бѣдный приходъ, и надъ нимъ повисла угроза быть уволеннымъ за штатъ.

То же извѣдали и десятки другихъ депутатовъ—учителей, адвокатовъ, врачей, земскихъ служащихъ. Депутатамъ-учителямъ—запретили учить, у другихъ—отняли ихъ работу. Но обо всемъ этомъ депутаты на судѣ не говорили.

Одиннадцатый часъ вечера. Гремитъ звонокъ—громкій, протяжный, распахиваются двери суда: и поднявъ головы, съ сознаніемъ исполненнаго передъ страною долга, входятъ въ залъ депутаты выслушать приговоръ суда, назначеннаго тѣмъ правительствомъ, которое распустило первую Думу.

Приговоръ суда.

Полутемный съ низкими сводами залъ суда.

Убраны всѣ стулья и скамьи. Депутаты стоятъ: впереди всѣхъ спокойный, сѣдой Муромцевъ—предсѣдатель первой Государственной Думы; позади него секретарь Думы и товарищи предсѣдателя Думы; а дальше, тѣсно другъ къ другъ, заполняя всю глубину залы, стоятъ члены первой Государственной Думы.

Бьетъ короткій звонокъ: судъ идетъ.

Судъ идетъ!..

Одинъ за другимъ выходятъ и садятся за столъ шесть чиновниковъ въ мундирахъ, съ блестящими золотыми воротниками, съ сверкающими пуговицами, и немного поодаль седьмой—волостной старшина.

На минуту все тихо. Ни шума, ни звука.

— По указу Его Императорскаго Величества... Прозвучали громко первыя слова въ низкомъ залѣ суда. Наклонили къ столу головы семь человѣкъ; впередъ, открыто и прямо смотрѣли первые народные представители.

— На основаніи статьи 51 и п. 3-го ч. I-й ст. 129 и 53 уголовнаго уложенія всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ Ахтямова и Дьяченко, **признать виновными и заключить въ тюрьму на 3 мѣсяца каждаго.** *)

*) Изъ двухъ оправданныхъ подсудимыхъ, совершенно не понятно, почему оправданъ Ахтямовъ. Ахтямовъ въ Выборгѣ былъ, и на выборгскомъ воззваніи въ числѣ другихъ имѣется и его подпись. На слѣдствіи онъ сказалъ только, что «въ предѣлахъ Россійской

Судъ не различилъ въ своемъ приговорѣ тѣхъ, кто воззваніе распространялъ, и тѣхъ, кто его только подписалъ.

Изъ подсудимыхъ Рамишвилли передъ самымъ судомъ высидѣлъ 5 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ предварительно. Ему зачли 5 мѣсяцевъ въ наказаніе, и поэтому тотчасъ

Имперіи онъ никакого воззванія не подписывалъ», онъ хотѣлъ сказать этимъ только то, что онъ не совершилъ никакого преступленія, за которое его можно было бы судить по *закону*; повидимому, судъ не понялъ этихъ словъ и оправдалъ его. Тутъ какъ разъ сказалось то, о чемъ говорили адвокаты: если бы всѣ подсудимые отрицали свое участіе въ выборгскомъ совѣщаніи, или даже заявили бы только, что они не желаютъ отвѣчать на вопросъ о виновности (—пусть, дескать, самъ судъ разъискиваетъ, кто тамъ былъ, кто не былъ въ Выборгѣ), то пришлось бы всѣхъ оправдать.

Обыкновенно подсудимые бываютъ рады-радехоньки, когда ихъ оправдываютъ. Ахтямовъ же былъ огорченъ и оскорбленъ именно тѣмъ, что его отдѣлили отъ товарищей и оправдали, и онъ напечаталъ въ газетахъ по поводу своего оправданія письмо, въ которомъ съ негодованіемъ говорилъ: «я признавалъ свое участіе въ выработкѣ основныхъ принциповъ выборгскаго воззванія и принималъ на себя всю отвѣтственность за содержаніе его.

«Несмотря на это, несмотря на то, что во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ, какъ до суда, такъ и на судѣ, не было ничего такого, что давало бы кому-нибудь право, возможность или даже поводъ отдѣлять меня отъ остальныхъ, особое присутствіе сдѣлало это.

«Я не бравирую. Для меня, 66-лѣтняго старика, не могло быть безразличнымъ даже и 3-мѣсячное заключеніе. Еще менѣе безразличны были бы для меня остальныя послѣдствія обвинительнаго приговора. Но если жизнь и обстоятельства предложатъ мнѣ: или отречься отъ духа перваго представительнаго собранія, членомъ котораго я былъ, отказаться отъ дѣлъ его, властно продиктованныхъ благомъ народа, или понести кару, даже болѣе значительную,—то я, не колеблясь, выберу второе. И на той моральной и общественно-политической высотѣ, до которой поднялось и «дѣло», и его участники, совокупная отвѣтственность за него становится уже не только обязанностью, но правомъ. Особое присутствіе пыталось лишить меня этого права. И поэтому приговоръ становится по отношенію ко мнѣ сугубо несправедливымъ.

«Теперь слово за обществомъ, за населеніемъ. Пусть его непріятный судъ рѣшитъ, долженъ ли я быть въ числѣ тѣхъ, которые на судѣ составляли законный составъ перваго, вставшаго на защиту интересовъ этого населенія, учрежденія моей родины.

Бывшій депутатъ первой гос. думы.

А. Ахтямовъ».

послѣ приговора онъ былъ освобожденъ отъ тюрьмы. Изъ остальныхъ подсудимыхъ Кутомановъ, Дитцъ, Шапошниковъ и нѣкоторые другіе тоже раньше сидѣли за распространеніе воззванія предварительно, но передъ самымъ судомъ они были на свободѣ, и потому судъ не счелъ нужнымъ зачислить имъ ихъ заключенія въ наказаніе. Поэтому они, такъ же какъ и всѣ другіе подсудимые, должны будутъ отсидѣть свои три мѣсѣца. Матвѣевъ черезъ нѣсколько дней послѣ суда освобожденъ изъ тюрьмы, и въ свое время, когда сенатъ утвердитъ приговоръ судебной палаты, долженъ будетъ отсидѣть свои три мѣсяца, какъ всѣ остальные депутаты.

Лишь только прозвучали послѣднія слова, быстро поднялись со своихъ мѣстъ судьи и быстро одинъ за другимъ, какъ бы спѣша, торопясь покинули залъ суда.

Взглянули другъ на друга депутаты, и спокойно, не торопясь, покинули залъ суда осужденные первые народные представители,—ставшіе осужденными преступниками.

Хотя подсудимые приговорены къ тюремному заключенію безъ лишенія правъ состоянія, но такъ какъ они судились по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи, по которому можно приговорить къ лишенію правъ состоянія, то они навсегда лишены права участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу; выбрать ихъ въ нее тоже нельзя.

Привѣтствія первымъ депутатамъ.

За время суда подсудимые депутаты получали со всѣхъ концовъ Россіи привѣтственныя телеграммы и письма.

Потребовалось бы очень много мѣста, чтобы передать ихъ всѣ; назовемъ нѣкоторыя. Шлютъ свой привѣтъ и сердечныя благожеланія депутатамъ первой Думы «избиратели обширной Волыни, къ стыду ея не имѣющей своего представителя среди 169 членовъ, подписавшихъ воззваніе».

Просятъ «принять привѣтъ отъ горячо благодарныхъ первымъ депутатамъ за тѣ надежды, которыя они вселили родинѣ».

Въ лицѣ С. А. Муромцева привѣтствуютъ «воплощеніе дорогихъ завѣтовъ свободы и права».

«Судъ исторіи, говорится въ одной телеграммѣ, оправдаетъ депутатовъ первой Думы, и въ памяти потомства они останутся мужественными и стойкими до конца борцами за свободу и права народа».

Въ другой телеграммѣ пишутъ:

— Терновый вѣнецъ и крестныя страданія необходимы для того, чтобы великая заповѣдь врѣзалась въ сознаніе народа. Судъ надъ славными гражданами былъ нуженъ всей Россіи, чтобы тѣнь первой истинной Государственной Думы встала во всемъ благородномъ величіи, какъ радость и какъ укоръ.

Въ длинномъ рядѣ телеграммъ привѣтствуютъ подсудимыхъ депутатовъ и выражаютъ надежду вновь видѣть ихъ въ Государственной Думѣ.

Въ дни суда публика каждый разъ занимала всѣ мѣста, отведенныя для нея. Точно также каждый день масса народа толпилась въ корридорахъ суда. Впрочемъ, только очень немногимъ удавалось пройти въ судъ:

въ засѣданіе самаго суда допускали только по особымъ билетамъ, а публику изъ корридоровъ старались вытѣснить околодочные и городовые. Всѣмъ хотѣлось видѣть и этотъ небывалый судъ надъ народными представителями, и самихъ первыхъ депутатовъ народа, пожать имъ руки, поговорить съ ними, передать имъ свой привѣтъ. 15 числа, къ концу судебнаго засѣданія, изъ Таврическаго дворца въ судъ прибыло много депутатовъ изъ кадетовъ, трудовиковъ и соціалъ-демократовъ третьей Думы, желавшихъ привѣтствовать первыхъ избранниковъ русскаго народа. Какъ только подсудимые вышли изъ зала суда, вся огромная масса народа разступилась передъ Муромцевымъ: подъ клики и рукоплесканія среди живыхъ стѣнъ двигался величаво сѣдой предсѣдатель первой Думы. Въ концѣ его ждали пришедшіе депутаты третьей Думы, отъ имени которыхъ произнесъ привѣтствіе Родичевъ.

Отъ 80 членовъ третьей Думы 169 членамъ первой Думы.

Глубокоуважаемый и дорогой

Сергѣй Андреевичъ!

Въ эти дни тяжкихъ испытаній мы въ вашемъ лицѣ привѣтствуемъ первыхъ народныхъ избранниковъ, неуклонно шедшихъ по пути служенія народу, неуклонно творящихъ великій подвигъ свой, не отступая передъ тяжелыми жертвами.

Вашимъ примѣромъ вы вселяете вѣру и мужество въ сердца всѣхъ свободныхъ людей.

Носители надеждъ народныхъ!

Вы не преклонили знамени свободы и права въ дни гоненій. Пусть же дастся вамъ великая честь и счастье снова развернуть это знамя въ неотвратимый день грядущаго торжества правды.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Судъ. 3
Открытіе суда. 4
Обвинительный актъ о дворянахъ **Сергѣѣ Муромцевѣ**, князѣ **Петрѣ Долгоруковѣ**, **Николаѣ Гредескулѣ**, князѣ **Дмитріи Шаховскомъ** и др., обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 51 и 3 п. I ч. 129 ст. угол. улож. 7
Отчетъ народу. 12
Рѣчи членовъ Конституціонно-Демократической партіи (такъ наз. кадетовъ). 13
Ив. Петрункевича. . . . . —
Кокошкина. 16
Набокова. 17
Щепкина. 18
Допросъ свидѣтелей (Н. Львова и Г. Филиппова) . . 21
Рѣчи трудовиковъ. 24
«Старое борется съ новымъ». Рѣчь Лунина. —
«Мы—едины съ народомъ». Рѣчь Семенова. 26
«Голосъ и судъ народа». Рѣчь Шапошникова. 28
» » » » Врагова. . . 30
» » » » Зубченко. . . 31
«Голосъ задавленныхъ народовъ Россіи». Рѣчь Кубилиса. 32
» » » Дитца . . 33
» » князя Баратова. 34

СТРАН.

Рѣчи соціалъ-демократовъ. 36
Ишерскаго. . . . . —
Рамишвилли. 37
Рѣчь прокурора. 41
Рѣчи защитниковъ. 51
Н. В. Тесленко, В. А. Маклакова и О. Я. Пергамента. . . . . —
Александрова. 58
Послѣднее слово предсѣдателя Гос. Думы С. А. Муромцева. 60
Постановка вопросовъ о виновности. 70
Въ ожиданіи приговора. 74
Приговоръ суда. 76

ПРИЛОЖЕНІЕ. Привѣтствія первымъ депутатамъ. . . 79

Писати просила ти мене —
Писать я не люблю шутя!
А поучать тебе могу —
Любити природу и друзей

Цѣна 20 коп.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Типографія „РАБОТНИКЪ“ Почтамтская, 13.